

Олег Паршев

**Цепи Скорпиона – 2. Под
звездой Саламандры**

«Издательские решения»

Паршев О.

Цепи Скорпиона – 2. Под звездой Саламандры / О. Паршев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833185-5

Казалось бы, всё позади... Враг повержен, родная страна обрела независимость, в сердце молодого князя пылает ясный огонь любви... Но!.. Вновь сгущаются тучи над миром. И, конечно, опять он — Святополк — обязан быть в первых рядах защитников Среднего Севера. А как иначе? По-другому нельзя! И значит... снова — вперёд! К новым приключениям и новым победам! Поскольку если не мы — то кто же?!

ISBN 978-5-44-833185-5

© Паршев О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Цепи Скорпиона – 2 Под звездой Саламандры Олег Викторович Паршев

*«Среди всех ядовитых животных саламандра —
самое злобное и может убить целые народы,
если они неосторожны».*

Плиний Старший.

© Олег Викторович Паршев, 2016

ISBN 978-5-4483-3185-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– 1 —

Святополк выехал из дома ранним утром. Увы, но в сей раз кроме Черномазика, никто его не провожал. Да и тот толком... Поостерёгся полазник лишний раз во двор выходить. Промямлил потупившись, что «ночным духам зорьку встречать не к лицу как-то», хозяина обнял, попыхтел, потоптался виновато на пороге, да и в дом! А после лапкой мохнатой из окна помахал. Вот и всё... Эх, была б Весена!..

Но Весена – старая кормилица, что долгие годы заменяла ему родителей, отошла за незримый край. И становилось от того невыносимо печально. «Да, это – жизнь, прав Потыка Колтырь, – твердил витязь, – и ничего не попишешь...». Однако утешение от сих рассуждений выходило слабое. И молодой князь сызнова принимался корить себя за то, что понесло его геройствовать невесть где, когда няня тихо угасала в огромном заброшенном доме (а ведь не переломился б, мог бы и заскочить-проведать), за то, что сухо простился с ней, когда уезжал... Правда, соорудил он потом вокруг места упокоения кормилицы узорную ограду, а на могиле водрузил обелиск, выглядевший, пожалуй, ни капли не хуже того, что поставили в память о Манфреде. Только чёрный гереконский камень тут не годился. Оттого верные дворские отыскивали и привезли местный – прядвинский, розовый. Но так ещё лучше вышло.

«То есть, нет, не лучше, – поправлялся сразу же Святополк, продолжая на себя злиться. – Красивее... более душевно – это вернее звучит... А кабы ещё могилы родителей отыскать...» Впрочем, хоть охай, а хоть вздыхай, а жить дальше надо. И молодой воин привычно заглядывался по сторонам, теперь уж высматривая не мокинзарские разъезды, а неведомых крайгортов, вторгшихся из-за зеркал.

Натопанную тропу, что вилась между холмов, спешащий воин, конечно же, хорошо знал. Это по ней скакал он всего пару месяцев назад, вынашивая планы мести Бухнадару, это здесь повстречался ему Стережный, и это она вывела его напрямиком на колдуна Ма-ара... Да и, вообще, много чего с этой тропы началось. И, казалось бы, времени прошло нет да ничего, а как же всё переменилось! Причём, слава богам, в лучшую сторону! Ненавистный «Энар¹» повержен, Рощ обрёл долгожданную свободу. А за Безымянным лесом – даже дыхание перехватывало! – ждала зеленоглазая гринуэльская принцесса, о которой вспоминалось едва ли не поминутно.

Хорошо думалось в пути. Ничего от мыслей не отвлекало, не мешало. Степь широким полукругом уходила в седую, волнующуюся от ковыля даль, а на горизонте уже виднелась его прошлая стоянка – купа деревьев во главе со старой дикой грушей, что чёрною корою и суховатыми ветвями – всем видом своим – вновь отчего-то напомнила о Весене.

Приблизившись к этому оазису, молодой князь, стараясь не терять бдительности (о необходимости которой забывал частенько), остановился и спрыгнул с Ветролёта. А коснувшись ногами земли, потянул носом вольный степной воздух. Да бросил взгляд вверх.

Многое тут уже выглядело по-иному. Во-первых, всюю уже пахло осенью – прелым листом и предвкушением мороза. А во-вторых, листья с липок и берёзок почти опали, отчего о лете напоминал только ручеёк, который всё так же беззаботно и звонко прыгал с камня на камень.

Поглощая скудный и, честно сказать, невкусный обед (винить некого – сам готовил), Святополк попытался предугадать, что за спешка возникла, зачем Грегин зовёт так срочно. Прилетел вчера взмыленный Стережный, протараторил скороговоркой, что магистр общий сбор

---

¹ Завоеватель.

трубит («для чего незнамо, сам ни сном ни духом») и умчался. Крайгорты? Лига? Или бэнши с караконджо, которые, по словам Крота, «скоро родными покажутся»? Или всё вместе?

Но подобное предугадывание получалось пустопорожним. А потому мысли плавно перетекли к размышлениям о маршруте, что надлежало выбрать для небольшого странствия. Как ни крути, а выходило, что заночевать в дороге придётся дважды. А чтоб оба из этих «дважды» на лес не пришлось, мчаться нужно без передышки. И тогда часикам к одиннадцати ночи можно добраться до заимки стариков Хохлача и Капчо. И не вляпаться при этом в очередную скверную историю с участием колдунов и вампиров. Или крайгортов. Что, наверное, ещё хуже.

Раздумывая подобным образом, молодой витязь быстро управился с едой, подозвал Ветролёта и побросал свой нехитрый скарб в подорожную суму. С мимолётной мыслью о том, что никто его тут больше не держит.

Но тут...

– 2 —

Густой, и в то же время, пронзительный звук разорвал тишину. Даже воздух дрогнул, а земля под ногами вздыбилась, зашаталась, пошла ходуном. Едва успел витязь отскочить поближе к деревьям, как твердь распахнулась и извергла из глубин ревуший фонтан – сперва шипящий парами гейзер, а дальше – песок и камни. И здесь же из сокровенного царства тьмы вырвались две сверкающие огненные сферы. Широкий веер лучей, исходящий из них, ударил в осеннее бледно-сизое небо и (как почудилось Святополку), отразившись от низких клубящихся облаков, проник обратно в кружащиеся шары.

Те треснули, раскололись. Сотни сотен мелких осколков с оглушительным звоном рассыпались по жухлой траве. И тотчас засвистели, запищали, загомонили маленькие человечки, выбегающие из блистающих обломков.

Однако всё это хитроумному Велесу (или кто там над или под землёй выдумывает приключения для людей?) показалось, видимо, недостаточным для того, чтоб обескуражить столь славного воина. Оттого в следующий миг раздался скрежет, и в паре локтей от князя, словно из рваных кусков железа мигом срослись трое – двое лохматых, серых и один с буро-жёлтой гладкой полосатой шерстью, похожий на помесь медведя и бабра². Вот как! С омута да в корчажник! Бесы! И молодой воин, досадливо качнув головой (ну, не вовремя ж!), привычным движением выхватил из-за спины гюрятовский меч. А в ладонь левой руки легко скользнула из рукава серебряная стрелка.

Но нечистые повели себя странно. Не бросились они безоглядно вперёд, понукаемые злым естеством. А заметались, будто пытаясь укрыться от невидимого врага, дико завывали, вполосив, окончательно распугав воробьёв и синиц. И приникли к земле.

И здесь же из пустого пространства, как из незримой двери высунулись три салатного цвета полупрозрачные тени. И моментально окунулись в скулящих о ужаса демонов.

Крайгорты! Они! Ах ты, Курдуш! А сгодится ли против них «аргентус»? И откуда взялись? Неужто, из серебряных шаров?

А бесы, уже поднявшись с земли, глядели на происходящее ничего не выражающими, пустыми глазами. То ли демоническая сущность боролась с вошедшими в них пришельцами, то ли... Кто знает, что там происходило, но они лишь сипло рычали и не трогались с места.

Впервые князь увидел крайгортов. Слышал уже немало, но повидать... Бледно-зелёные. Неестественно плоские. С бесформенным конусом вместо головы, на пустой глади которой, лишь дав волю воображению, можно разобрать рот и глаза. С непомерно длинными, вытянутыми вдоль тела руками... Зрелище сие получалось не для слабонервных. И так и чудилось:

---

² Бабр – на роцких диалектах: тигр.

выбегут сейчас откуда-то весёлые скоморохи и, кривляясь, озорно прокричат: «Эй, почтеннейшие, ежели есть тут жёнки да детки, то отвернись! Не про ваши очи показать будем». Но никто не выбежал и ничего не кричал. А Святополк ощутил, как к горлу подкатывает комок, а внутри – в животе – возникает шипастая ледяная медуза, пытающаяся вырваться наружу.

Но каким бы мерзким не казалось зрелище, вывести молодого гридника из себя оно не могло. Да и «заглядеть» его можно. И, держа оружие наготове, сын Ратибора оборотился искоса в сторону, где, не обращая ни малейшего внимания на происходящие рядом события, беззаботно резвились маленькие существа.

Наряженные в пёстрые (зелёные, алые, вишнёвые) курточки и штанишки, а так же шапочки с перьями, они уже вполне, как видно, освоились, и потому, деловито сложив осколки шаров, принялись беззаботно играть в какое-то подобие догонялок. А двое из них, которых, впрочем, отличало от собратьев наличие золочёных доспехов, с лицами весьма задумчивыми, будто витали они помыслами где-то далеко-далеко, стояли чуть поодаль. Не принимая участия во всеобщем веселье.

Между тем, крайгорты, сидящие в демонах, видимо что-то решив, вдруг выпрыгнули из нечистых и взмыли вверх, застыв неподвижно среди ветвей. Супротивников князю, стало быть, теперь выходило шестеро. К тому ж, демоны – ещё ерунда, а вот пришельцы?..

А нечистые, брызгая ядовитой слюной, от которой земля тут же покрывалась выжженными проплешинами, уже яростно кинулись в атаку. Что ж... Отбить, ударить, увернуться (слева от когтей, справа – от смертоносных брызг). Поворот. Выпад. Есть! Серебро прошлось по горлу одного из серых. Откатившись в кусты, нечистый протяжно завыл. Но – не расслабляться! Нанести как можно больше увечий мечом, а после добить стрелкой. И значит, снова удар, выпад, поворот. Ну-у...

Чуть ли не вздох сожаления вырвался из груди Святополка, когда демоны кинулись прочь, бросив своего раненого на произвол судьбы.

Что ж, значит, сейчас начнётся самое главное – призраки из зазеркалья. «Посиим, каковы», – вспомнил Святополк слова Станислава, исподволь, как бы ненароком, прикоснувшись к волшебной книге. Убережёт, коли что?

А крайгорты стелясь над землёй, поглядывали осторонь и будто прикидывали: на кого ж им сперва напасть – на разноцветных забавляющихся человечков или опять-таки на молодого воина? Только растерянность их длилась недолго. Наверное решив, что гномы (или кто они там?) всё равно никуда не денутся, призраки, сделав круг над ручьём, помчались на князя. Ох, Триединый!..

Треск! Звон! Вспышка огня... И зелёные отлетают, ударившись... не о книгу даже, а о тех двоих «задумчивых» – в золочёных доспехах. И как они тут, пред Святополком, очутились? Ведь только что...

Обескураженные своей неудачей (или побуждаемые какими-то другими, непонятными для людей соображениями), призраки взметнулись ввысь и умчались куда-то на север, растворившись в блёклых небесах. А двое неизвестных, как ни в чём не бывало, и вроде бы ничуть не возгордившись своей, такой простой победой, обернулись к витязю. С достоинством кивнув, они отошли чуть назад, чтобы, глядя на человека, очень уж не запрокидывать голову.

– Лихо вы их! – произнёс князь. – Спасибо! Я Святополк Радомысл – князь Роца.

– Смарагд из рода Гиацинта – князь кобольдов, – представился в ответ тот, кто повыше. – А это Карбункл – мой племянник и оруженосец.

– Так вы...

– Духи земли, – ответил Смарагд. – А это что за твари?

Он бросил взгляд на верхушки деревьев.

– Крайгорты. Не из нашего мира, – проговорил князь.

И пересказал о злобных пришельцах всё, что знал.

– 3 —

Минут тридцать спустя молодой воин отправился дальше. За это время он успел многое узнать о кобольдах – духах земли и камней. История их терялась в ветхой многовековой старине, и все эти неисчислимые столетия они мирно уживались с другими существами, населяющими мир, мало интересуясь откуда те родом – из ирия или преисподней («прям, как водяные», – подумал князь). А когда появились люди, это их тоже не взволновало. Короче говоря, дружили со всеми. Но имелось из этого практически незыблемого правила одно исключение – пожиратели мрамора. Вот тут доброжелательность кобольдов и улетучивалась. А причиной распри служило то, что (как сказал бы какой-нибудь учёный умник), претендовали оба эти народа, «на одну и ту же сферу деятельности и влияния». Дело в том, что и кобольды, и пожиратели являлись, в сущности, ни чем иным, как кристаллами, камнями (что и помогло, кстати, отразить им безболезненно атаку крайгортов), и поэтому и те и другие желали одного и того же – управлять миром скал, гор и песка. Оттого-то оба кобольда, не став изображать из себя невинных овечек, недолго думая, наговорили в адрес пожирателей множество нелюбезного.

А молодой воин и не возражал. Как-то столкнувшись с одним из каменных великанов, и успев составить о нём собственное мнение, Святополк охотно принял точку зрения Смарагда. И, не кривя душой, согласился с тем, что «пожиратели – крайне опасные и гнусные твари».

В довершении же ко всему оказалось, что и трёхсотлетний сон кобольдов устроили именно «мерзкие камнегрызы». Их король нашёл где-то (выпросил, скорее всего, у какого-то чародея) Обруч Проклятья. Запаяв его, он направил действие магии на кобольдов. А после, когда те погрузились в спячку, засыпал их город землёй, насаив сверху колдовских трав.

Но что время для камня? Миг! Кобольды и не заметили, как века канули в вечность. Они не постарели, не изменились, имущество их осталось на месте, однако была задета их честь. А она для кобольда – превыше всего! Значит, «плюнуть и растереть», забыть и, тем более, простить – никак невозможно! И, следовательно, требовалось отомстить – взять и нанести пожирателям ответный удар. Желательно уничтожив «под корень всё их поганое племя» (в том видел Смарагд первоочередную свою задачу). А помимо, чтобы полностью оградить кобольдов от каких-либо угроз и исключить подобные несчастья в дальнейшем, неплохо было бы завладеть цепью власти.

– А вот этого я вам не советую! – воскликнул Святополк, услышав претензии духов на цепь. – Она у Грегина – Великого Цветного магистра.

– У Грегина? – без какого-либо пиетета переспросил Смарагд. – Не отпрыск ли это старого Шток-Дебра? Ясноглазый, черноволосый; остроумец и весельчак. В наше время сей юный кудесник подавал большие надежды.

– Скорее всего, да, вы говорите о нём. Ведь он же Шток-Дебр, – проговорил сын Ратибора, с трудом пытаясь представить себе Грегина весельчаком-брюнетом.

– А Кар-Ждон? – опять поинтересовался кобольд.

– Тоже в Ордене.

– И Орден, значит, на месте... – как бы с удивлением пробормотал князь духов.

«Что ж ему сделается?», – подумал Святополк, а вслух произнёс:

– Да, много воды утекло, но есть вещи, которым время не страшно. Вот и фиосинисты...

– 4 —

А время, и впрямь, утекало. И птицей летевший всадник, скоро начал осознавать, что спешка уже ни к чему. И как ни мчись, а сегодня добраться до сторожки калугеров не выйдет. А оттого место для ночлега следует выбирать где-нибудь перед лесом.

Малость умерив прыть Ветролёта, Святополк направил его по тропке, уходящей вправо. Там, верстах в двадцати, где степь небольшим полуостровом вдавалась в Безымянный лес, стояла деревенька с прозванием Ромашкины Горки. И молодой витязь весьма надеялся, что не могут там – среди ромашек – прятаться клацающие зубами вурдалаки.

В общем, к тому моменту, когда бледное солнце скрылось за тёмной стеной деревьев, Святополк въехал в улицу, с обеих сторон обрамлённую ладными мазаными домиками. Село, а точнее, хуторок здорово напоминал Липки, только избы колдуна Ма-ара тут, естественно, не наблюдалось.

– Сударыня, – окликнул сын Ратибора юную поселянку, резво семенящую с коромыслом, не зная наверное, каковы местные обычаи, но, подумав, что худа от столь выпренного обращения не будет.

Та улыбунулась, порозовела.

– Да какая из меня сударыня? – чуть нараспев проговорила она. – У нас тут принято «сестра» говорить.

– А я, значит, «брат» получаюсь? – поинтересовался Святополк, найдя местную привычку не совсем понятной, но вполне милой.

– Правильно. «Брат», – кивнула девушка.

– И как же тебя зовут, сестра?

– Дубравка.

– Красиво, – поговорил молодой князь. —А я – Святополк... А скажи-ка, Дубравка, где мне найти ночлега? А то в лес соваться, на ночь глядя, как-то не хочется. Я, если надо, оплатить сразу могу, – добавил он.

– Никто тут с тебя денег не возьмёт, – сказала «сестра» – Мы людям за просто так помогаем.

Определённо, ромашкогоркинские обычаи начинали нравиться Святополку всё больше. А уж Дубравка... И сказать нечего – прелесть как хороша!

Внутри молодого князя здесь же кто-то сердито заворчал и заворчал: «Э, княже, а как же Меленора?» – «А я что? – ответил сам себе витязь, – Я – ничего. Ты ещё б про Мартинку вспомнил... Просто отметил, как факт: девушка красивая. И всё. А Меленора – совсем другое дело».

Утихомирив таким образом ехидную совесть, Святополк, не долго думая, напросился на ночёвку к Дубравке, предварительно выяснив, что жениха у неё пока нет (при этом в воображении тут же нарисовался образ свирепого и, почему-то, чернобрового детины с пудовыми кулаками), и что родители ничего против не скажут.

По пути к дому (князь всё порывался понести коромысло, да она не отдала), а так же за ужином – в светлой ухоженной комнатке – выяснилось немало разного и интересного. И главное то, что все жители хутора верят непререкаемо в скорое рождение сына Триединого, что Святополка чрезвычайно заинтересовало, ведь об этом упомянул Манфред на смертном одре. Но, увы, много от местных выведать не удалось. Они и сами почти ничего не знали. Приходили, мол, волхвы, рассказывали, что, дескать, «скоро уже – может, через год – появится Сын Божий – Спаситель. Сперва, правда, Змеиная Звезда, а может, Лягушачья... чудодеи её по-разному нарекали, пролетит туда да обратно – вокруг солнышка обернётся и сгинет на почти навсегда. А после уж наша на небе явится – Звезда Ясная. А случится чудесное рождение Сына в жаркой и далёкой Палесте, где Чёрный континент с Северным (ну, то есть, с нашим) смыкается. И поэтому все мы – человеки – должны друг другу помогать и мзду за это не брать. А когда Это произойдёт – люди станут между собой, как родные, и наступит повсесветное бла-

годенствие да сплошное счастье. Потому и именовать каждого следует, вплоть до вовсе незнакомых, «брат» и «сестра».

Слушал князь и только переносицу тёр. Что-то брали большие сомнения, что этак примутся делать по всей земле. Хорошо бы оно, спору нет, да вряд ли. Это ж сколько людей надо переделать?! А ещё и колдуны есть! С ними-то как? И поэтому, уплетая за обе щёки вареники с творогом, пирожки с грибами, печёного с яблоками гуся, и ещё многое-многое другое, запивая всё это пиршество молоком, он кивал, соглашаясь с тем, что помогать друг дружке, да притом бесплатно, это, конечно, превыше всяких похвал, но... Но далее осекался, потому что возражать гостеприимным хозяевам совершенно не хотелось. Да и переубедить местных он не надеялся, а потому решил в диспуты философские и, естественно, зряшные, не вступать.

– 5 —

– А это – брат Тангатар, познакомься, – сказала Дубравка.

Святополк оторвал взгляд от стола, на котором громоздились расставленные щедрой рукой хозяев разносолы, число которых, несмотря на его, поистине титанические усилия, никак не убавлялось. И глянул на незнакомца.

Да чуть не поперхнулся. Это ж надо! Кабы не сам приложил руку к тому, чтобы изничтожить Бухнадара, то, верно, подумал бы, что это он – мокинзарец.

Слегка раскосые глаза, медно-жёлтая смуглая кожа, нос с приметной горбинкой. И даже взгляд. Хотя, нет, взгляд, пожалуй, помягче.

А Тангатар, между тем, уже устроился за столом и, следуя примеру Святополка, принялся уписывать многочисленные яства. Дубравка же склонилась к уху князя и быстро зашептала:

– Он с год как прибился. Батрачит. Мы за то его кормим в очередь, и приют даём. Хороший, добрый. По-нашему, правда, говорить не горазд. Но сейчас слов уже нахватался, побольше выучил.

Святополк отставил тарелку.

– Н'атэ га, бароз?³ – спросил он, стараясь отринуть от себя разнообразные мысли, родившиеся из-за горячего дыхания Дубравки.

Тангатар чуть заметно вздрогнул. Медленно дожевал. Обернулся. Лицо его осталось непроницаемым. Помоложе он был, чем «Энар». Явно. Лет на десять.

– Га супас нэ курфи?⁴ – проговорил он.

– Га на аумас тэ кашче⁵, – сказал Святополк. И прибавил на роцком: – Может, перейдём на язык, который понятен остальным? А то невежливо получается.

– Я из Инзара, – ответил на это Тангатар.

– Ты здорово похож... – начал Святополк.

– Не говори мне о нём! – мгновенно вскипел мокинзарец. Глаза его сузились ещё больше, лицо побледнело, посерело. Рукоять ножа, которую сжимал он в руке, казалось, вот-вот хрустнет, переломится. Даже костяшки пальцев побелели.

Разговор за столом, только что такой весёлый и непринуждённый, перемежающийся беззловными шутками, мигом смолк.

– Зачем ты так? Что ты ему сказал? – молвила, хлопая пушистыми ресницами, Дубравка. Во взоре её читались укор и непонимание.

– Извини, – пробурчал Святополк. – Я не хотел...

– Я объяснять, – произнёс тут мокинзарец.

---

³ Откуда ты, брат? (курфи).

⁴ Ты говоришь на курфи? (курфи).

⁵ Ты не ответил на вопрос (курфи).

Не спеша, вытер он губы, помолчал, как бы собираясь с мыслями, и заговорил, путая, видимо, от волнения, курфи и роцкий:

– Бухнадар – тэ... мой двуродный брат. Хэ апа... наши отцы – братья. Мой – старший. Он был хан Мокинзара, и потом... хан должен стать я. Но Бухнад, – тут глаза Тангатара сверкнули, налились яростью, – со своими косчи...

Он замялся, не зная как перевести.глянул на Святополка.

– Наёмниками, – охотно подсказал тот, живо вспомнив уроки Хынсебена и одну из его баек о встрече (в одном из тёмных переулков Ракарраха) с этими самыми «косчи».

– Да, с наёмниками, – продолжил мокинзарец, – устроил небольшой война и взял... захватил власт. А я убежать в Сарац. Переоделся чайчи⁶. А потом через Асд-Даг... Лев-гора – в Готверен. А потом сюда. Тут люди хорошие. Приют дали.

Дубравке и её родителям этот рассказ мало что объяснил. И молодому витязю пришлось кратко изложить всё, что он знал о событиях в Мокинзаре и последствиях, которые эти события за собой повлекли.

– А, так это!.. Надо же!.. – запричитали Бор и Осташка – родители Дубравки.

А девушка захлопала дивными ресницами ещё пуще и пролепетала: «Ой, мамочки!» И все с участием воззрились на Тангатара.

Тот же от чрезмерного внимания, видимо, давно отвык, и потому опустил очи долу и слегка покраснел.

– Беденький, – снова пролепетала Дубравка.

А Бор молниеносно извлёк откуда-то пузатую, тёмного стекла бутылку и, лихо откупорив её (при этом заговорчески подмигнув Святополку), воскликнул:

– Это надо обмыть! Тут без чарки не разберёшься!

Осташка взглянула на мужа осуждающе. А Тангатар покачал головой и прикрыл стакан ладонью.

– Мне нельзя. Бог не разрешает, – произнёс он.

Понимая, что сейчас опять ляпнет что-нибудь невпопад, Святополк, тем не менее (ну не мог он удержаться!), тихо проговорил:

– А мне кажется, что Таджмор...

Целая гамма разнообразных сложных эмоций отобразилась на лице Тангатара, но, очевидно, поборов желание выкрикнуть в ответ что-то оскорбительное, обидное, он лишь тихо, сквозь зубы, произнёс:

– Таджмор – ложный бог. Бухнад принёс его с собой. А мы верим в Эала⁷. Он – добрый. Он учит, что война – грех. Убить – грех.

– И пить грех? – с недоумением поинтересовался Бор.

– Да.

– Это уж слишком, – прокомментировал сие известие хозяин, а Осташка, тут же, воспользовавшись замешательством мужа, схватила бутылку и исчезла с ней в другой комнате.

Бор крякнул, в поисках взаимопонимания взглянул на молодого витязя. А тот развёл руками и улыбнулся.

– 6 —

---

⁶ Уличный торговец (курфи).

⁷ Эал – по поверьям южных народов, старший сын древнего бога Учъ-Бирита, известного в словских странах как Триединный.

Выйдя после ужина на порог, Святополк и Тангатар («Свят» и «Тангат» обращались они уже друг к другу) ещё долго беседовали. И более всего говорили о нынешнем положении в Мокинзаре. Неимоверно удручало Тангата то, что происходило сейчас в некогда могучем ханстве.

По смерти Бухнадара распалось окончательно всё – торговля пришла в упадок, люди беднели. В отсутствии армии участились набеги кочевников. Народ снимался с насиженных мест и отправлялся на юго-восток. В поисках лучшей доли и спокойствия.

Дошло до того, что многие аулы и целые города пустели. И ничего не предвещало каких-либо перемен в лучшую сторону.

– А что ты? – спросил напрямую Святополк, не умеющий выражаться экивоками. — Взял бы и вернулся. Взял бы власть в свои руки. Навёл порядок. Ты же – Аграмба – законный царь, как-никак!

– Я один, – с болью в голосе произнёс мокинзарец. – Все мои друзья, соратники убиты. Что я могу?!

– Но нужно ж пытаться! – воскликнул с горячностью Святополк.

– Ты думаешь, можно что-то сделать? – сомнение прозвучало в голосе Тангатара.

– Конечно! Башэр! – прибавил князь на курфи для пущей убедительности.

Наследник мокинзарского престола потёр лоб.

– А что я теряю? – задумчиво сказал он, бросив на сына Ратибора взгляд полный горечи и надежды.

– Вот именно, ничего, – ободрил его витязь. – Думаешь, мне легко Роц подни...

Поняв, что проговорился, молодой воин запнулся на полуслове.

– Да ладно тебе, – засмеялся Тангат. – Я уж понял, кто ты. Много ли Святополков так смыслят в политокусе⁸? Просто ждал, когда сам скажешь. А теперь – слово не воробей, как у вас говорят. Выкладывай, что ты в Роце творишь. Ведь тоже всё в запустении. Бароз мой, чтоб ему в тартаре заледенеть, постарался.

И Святополк принялся рассказывать.

Планы у него намечались обширные – торговля и ремёсла, в основном те, что традиционны для княжества, так чтобы товары можно без особых проблем продавать в Галиндию и Гринуэлл; устройство ярмарок; строительство мостов, дорог, почтовых станций, чтоб добираться быстрее – для купцов это выгодно...

(Нужно заметить, что первоначально Святополк задумывал пустить под землёй шары, как на дороге трёхглазых, но, к сожалению, идею эту пришлось из головы выкинуть, как неимоверно сложную и затратную).

– А помимо, хочу законы единые по всей стране установить. А то – неразбериха. Кто в лес, кто по дрова. Жуть берёт. И налоги думаю снизить, чтоб всё заработало. Не навсегда – лет на пять. А дальше, надеюсь, само пойдёт. И, мыслю, ристалища проводить в обеих столицах, на манер рыцарских турниров гринуэлльских. Витязи съезжаться будут, маркитанты-негоцианты, зеваки всякие. Местным от того, опять-таки, прибыль...

– Молодец, – послушав, завистливо резюмировал Тангатар. – А вот я...

– Да хватит себя жалеть! – хлопнув мокинзарца по плечу, воскликнул Святополк. – Бери себя в руки и двигай домой. Великий хан – и батрак! Курам на смех! Только не обижайся, – добавил князь. – Я по-дружески.

– Я и не обижаюсь, – молвил тот и неожиданно нахмурился. – Эй, батэр, а кто тебе глаз отвёл?

Святополк поднял брови.

– Не знаю. Что, правда?

– Чистая правда. Ну-ка, постой секунду.

---

⁸ Политике (элийский).

Тангатар провёл ладонью перед лицом князя.

Оп! Как пелена спала. Нет, ничего не переменялось. Вспомнилось! Мелочь вроде, но...

У старшего кобольда – у Смарагда – на шею цепь висела. Платиновая. Ах ты, пень на цепи, шука в самоваре! То ж – цепь Скорпиона. Что желания исполняет. А отчего ж он её не показал? Впрочем, понятно! Заметил у Святополка другую и понял, что тому про цепи ведомо. Решил свою скрыть, на всякий случай. Ну, и Дивиркиз с ним!

– Где ты так научился? – Святополк тряхнул головой, отогнал виденье.

– Это у нас врождённое, – усмехнулся мокинзарец. – Так что, если дома у меня дело не заладится, заявлюсь к тебе – на ярмарках выступать. Поставлю шатёр, напишу сверху: «Снимаю сглаз и порчу» и буду шаманить потихоньку. Ты как – не против?

– Пойдёт, – улыбнулся князь. – Договорились.

– 7 —

Эта лесная дорога – гораздо более широкая и наезженная – не шла ни в какое сравнение с той, что вела к озеру водяных. Однако и тут сильно разгуляться не получалось. Всё ж лес – он везде лес. То ветка толстая суковатая выскочит (так по лбу и норовит), то, вообще, поперёк тропы огромный дуб вековой обнаружится, шаловливым ураганом ненароком оброненный.

Так что – смотри в оба, не зевай!

Вот князь и смотрел. Тем более что и шибко поспешать, всё одно, толку никакого. День-то ещё едва занялся, значит, к вечеру до хижины стариков можно успеть по-любому. Ежли, конечно, без каверз и происков.

И мыслями Святополк снова возвратился к обустройству родного края. Не обо всём поведал он Тангатару. Не признался, например, в том, что на место ушедших мокинзарцев уже переселяется беднота из южного Роца. (Земля на юге получше, поплодородней). Не сказал так же и о том, что, снарядив и снабдив всем необходимым атамана Острогора, отправил он разбойника на усмирение кифских кочевников, что в недалёкой перспективе вполне могло привести к присоединению к Роцу земель Скифостана и северного Мокинзара, где степняки тоже промышляли.

Идей у Святополка крутилось в голове – пропасть. Три воза и маленькая тележка. Систематизировать бы их как-то, отгладить, по полкам разложить, но руки не доходили. И пока этот ворох проектов поддавался упорядочению слабо. А хотелось всего и враз.

Мечталось, скажем, о том, чтобы неплохо бы открыть всюду школы, больницы. И во главе их, чтоб не знахарь какой тёмный стоял (мне там колдунов только не хватает!), а учёный муж, «вельми грамотный». Но где их, грамотных, набраться? Ну, письму учить, счёту и азбуке можно, на крайний случай, и священников кликнуть. Они люди благонравные – не откажут (по возвращении отца Беловода отыскать надобно!), а вот лечить кто станет? Но и на этот счёт задумка припасена: открыть (прямо на следующий год) университет, как в Мадриме, где врачебное дело изучать будут. Хынсебена позвать, Кар-Ждона (Грегину, понятно, некогда), Питтерна, Лекрюэля... Да к Гамарту обратиться можно... Неужели откажут? Дело-то нужное. Науки, искусства – просвещение, одним словом. Эх-эх!..

Или вот ещё мысль: отправить кругом путешественников. Через Синее море на ладьях, через Кучумран – караванами. И за Бесконечные горы сходить бы!..

А кроме, храмы по деревням отстроить. И ещё, и ещё... Короче говоря, дел-забот невпроворот. Выше головы. Начать да кончить, а за всю жизнь не успеть.

И мысли постепенно начали выстраиваться. Рядок за рядом. Так что от поездки сей польза вышла.

Наперво, рассуждал Святополк, нужно оградить себя от несчастий. Это кобольд, каменная его душа, верно подметил. Армия нужна и корабли военные. В Исвегию смотреть бы или

в Гиспию – посмотреть, чертежи поделать. И дома – в Лукоморске – верфь поставить. И порт. Этим у меня Одрюс займётся.

Далее – войско. Глебу поручу... В-третьих – университет. Как назвать по-роцки? «Все-муучилище?» Не звучит. Курдуш с ним, пускай «университет» и останется. Это дело для Судислава. И школы заодно ему... Потом больницы. То – Беремиру. Мосты, дороги, почта – Пересвету. Церковь – отцу Беловоду. А начальником над всеми ними – Всеволода. Самое главное, вроде, охватил. А там видно будет...

Так, тасуя своих огнищан да друзей-сподвижников, прикидывая кого на какое поприще направить (чтоб каждому по душе пришлось), а так же придумывая для них всё новые обязанности и поручения, молодой князь добрался до домика стариков-фиосинистов. Успел как раз вовремя. Сумерки уже начали сгущаться.

– 8 —

Оттолкнувшись от мохнатой сосновой лапы, белка, свершив в воздухе грациозный пируэт, опустилась на подоконник. Ещё в полёте она ловко развернулась и теперь, сидя на покрытом резьбою настиле, зоркими бисерными глазками обзревала лес, подмечая в чаще что-то интересное. И это, увиденное, по всему, ей здорово не нравилось.

Оттого, наверное, она вдруг принялась возмущённо фыркать, сердито цокотать и, наконец, поворотившись к окну, прыгнула в комнату. А там, ещё и ноги не успели коснуться пола, обернулась маленькой сморщенной старушкой.

– Матрёна, ты? – послышался голос снизу.

– Я, я, старый, успокойся, – откликнулась невеличка.

Она проворно проковыляла по комнате и исчезла в кладовке, внутри которой стояла кукла, похожая на Матрёну очень многим. И чертами лица, и одеждой, и осанкой, в общем, всем, за исключением того, что ростом превышала она Матрёну едва ль не в два раза.

Поднявшись по приступкам, старушка оказалась на уровне вышитого затейливым орнаментом передника куклы, отворила дверь, таящуюся в нём, и скрылась внутри. В чреве куклы немедленно что-то заурчало, глаза её открылись и она, ожив, вышла из шкафа.

Точнее, не кукла уже вышла, а самая настоящая старушка. Вполне живая.

– Плохо в лесу, дед, – прошамкала Матрёна, спускаясь под скрип ступенек на первый этаж. – Призраки.

– Крайгорты, – поправил Капчо.

– Ну, пусть храйхорты. Да всё равно, плохо. Надо б делать что-то.

Капчо покивал, кряхтя, выбрался из кресла-качалки, подобросил в камин пару поленьев. И, поплотнее запахнувшись в медвежью шкуру, пошёл открывать дверь настойчиво стучавшему в неё Святополку.

– 9 —

К вечеру изрядно похолодало. Так что жаркий камин с огнём, который, казалось бы, чувствовал себя тесновато в синей мерцающей глубине, оказался весьма кстати.

Как голодный к праздничному столу, жадно приник продрогший Святополк к ясному пламени, протянул к нему руки, ощущая, как с приятным покалыванием тепло проникает в тело. А жар, словно обрадовавшись вниманию, загудел, радостно запрыгал в своей каморке, разбрасывая кругом рубиновые брызги, и потянулся оранжевыми ладошками навстречу.

Так и стояли они некоторое время друг против друга – князь неподвижно, блаженно впитывая согревающее дыханье огня, а пламень – весело подпрыгивая и ощупывая поминутно сверкающими щупальцами стенки своего жилища.

И не мог видеть Святополк за яркими бликами, что из глубины очага внимательно наблюдают за ним два фиолетовых немигающих глаза. А, когда согревшись, отошёл он в сторону, диковинное неподвластное огню существо, напоминающее ящерицу, изогнулось, подпрыгнуло и исчезло в дымоходе, оставив после себя лишь угасающие звёздочки искр и несколько следов на золе.

– 10 —

– Так, говоришь, кобольды проснулись? – потеряв нос, пробурчал Капчо. —Только на днях об этом с Грегином толковали. Срок-то подходит. Надо же! Триста лет! Вот время...

– А мы сегодня другое видели, – подхватил Хохлач. Он с каким-то горшком в руках вылез из погреба и сменил сына Ратибора на посту у камина.– Крайгорты пожирателя спасли. Подплыли по воздуху трое, клешнями над ним поводили, – он показал, – и пелена зелёная, что от Карамы, так и сползла. Тот встал, башкой каменной туда-сюда помотал, плечи расправил, а блазни ему знаки подают, мол, давай, пойдём. Он и пошёл.

– Крайгорты, кобольды, пожиратели... Ох, барсуки на ёлке, – вздохнул Святополк. — Кротова семейка...

– Да, князь, закручиваются дела, – кивнул Хохлач. – Муторно, по-другому не скажешь, но деваться особо некуда. Разгребать надо.

– А не разгребём, так Мара избавленьем почудится, – добавил Капчо. – Матрёна говорит: в лесу, особенно в серёдке, призраков толпы цельные. В каждом древе. И в столетней сосне корабельной, и в ростке прошлогоднем, что лишь на пару вершков с-под земли вылез. Оно, вишь как, живую тварь им подавай – флору с фауной... Так что кобольды вельми полезны могут стать. У них-то устройство каменное. Крайгортам не по зубам.

– Так вот для чего они пожирателя из спячки вывели! – осенило сына Ратибора.

– А и точно! – воскликнул одобрительно Капчо. – А я-то голову ломаю: на кой он им сдался?..

– Смекнули влёт, – крикнул Хохлач. – Едва у них с кобольдами недотёп вышел, как начали противоядие сыскивать. Естественного врага, как говорится, шукать.

– Ничего, – буркнул Святополк. – И для них естественного врага сыщем. Я, например, в этой роли – чем плох?

– 11 —

Ещё и птицы не запели, а князь уж – в седло, да дальше. Путь намечался неблизкий, но витязь надеялся преодолеть его за один переход. И немало поспособствовать этой удальской затее должна была особая мазь, коей предназначалось каждые два часа натирать ноги коня. Усталость от того, по словам Капчо «исчезала напрочь».

– А вреда Ветролёту от снадобья не случится? – на всякий случай поинтересовался сын Ратибора.

– Ну, ты скажешь тоже, – проворчал старик. – Это ж – бальзам чародейский, а не из макаконопли отравы богомерзкая.

– Тогда и я натрусь, – полувопросительно проговорил Святополк.

Капчо рассмеялся.

– Извиняй, князь, но тинктура эта, единственно, для скота гожая. Людям не можно. Один вот так попробовал – в козлёночка превратился. Пока его обратно метаморфозили, семь потов сошло. Так что, как-нибудь своими силами обходись, без колдовства.

Что ж, своими, так своими. Потому, почти не останавливаясь, мчался Святополк по лесной дороге, прильнув к шее коня и бросая время от времени на окружающие дебри настороженные взгляды. Не истёрлась покамест из памяти встреча с Букой и Хыкой.

Но ни демонов, ни разбойников, ни какой другой напасти, которые испокон веку составляли грозные приметы Безымянного леса, не наблюдалось. А вот призраков белесых увидеть пару раз удалось. И, наверное, Ветролёт тоже их чуял и, как бы стараясь поскорее покинуть опасное место, часто переходил с иноходи любимой на меть, а то и на галоп.

Пусто было в лесу. Унылая заброшенность царила меж кустов и деревьев. И совсем странным и страшным казалось то, что не слышалось почти птичьих голосов. Видать, и птицы лесные, по осени от обилия корма беззаботные, поближе к людям перелетели. Ох-ох, как же неуютно!..

– 12 —

Святополка в Ордене ждали. Внезапно открывшийся проход в стене и одинокая фигура, машущая фонарём, об этом явно свидетельствовали. Приглядевшись, князь угадал младшего Бренкса.

– Пит сказал: ты приедешь, – услышал князь его голос.– Попросил тебя встретить. Дал вот форморброид и схему ещё нарисовал, как тупому, куда в ограде импульсами тыкать, чтоб дверь открылась.

Сын Ратибора улыбнулся.

– Тут зеркало Теофраста, – заговорил снова Уклинстор, когда они с князем обменялись приветствиями. – Пойдём.

Но никуда идти не пришлось. Нашарив что-то в густой траве, Бренкс порывистым движением дёрнул это нечто вверх. И тут же мгла крошечная, обнимавшая округу (а земля уже тонула во мраке) сгинула без следа, и молодые воины оказались в небольшом хрустальном теремке, ярко внутри освещённом. Причём, откуда исходил струящийся радостный свет, князь не разобрал.

– Ты первый, – сказал Бренкс.

– И куда я отсюда?..

– В Синий замок – к Питтерну. В его кабинет. Фиосинисты сейчас зеркала по всему Ордену расставили, чтоб время на дорогу не тратить.

– И как это?

– Увидишь.

И Святополк шагнул.

Мрак – свет – тьма. Див! Чур! Как из окна выпал! Хорошо, хоть – низко. А Уклинстор осторожно перепрыгнув через князя, пружинисто приземлился на ноги.

– Ну и как? – спросил он, помогая Святополку подняться. – Я-то уже привык. А вот ты...

– Ничего не понял, – ответил витязь. – Слепило, а после сюда выбросило.

– А куда, по-твоему, должно было? – шутливо поинтересовался Бренкс. Он задул фонарь. В коридоре, по которому они шли, повсюду горели факелы.

– Мало ли. Теофраст вон, к призракам попал. А Хынсебен и сам не знает куда.

– Зеркало можно настроить, – проговорил Уклинстор, будто б повторяя чьи-то слова, – и попадёшь, куда требуется.

– Тогда их не только по Ордену поставить нужно, – немедленно воодушевился новой идеей князь, – а повсюду. И в Рудане, и в Гринтауне, и в Сендомире. А то через лес – долго.

– Да и опасно, – понимающе подхватил молодой Бренкс, открывая дверь в кабинет, где их ждал Питтерн.

– 13 —

– Наконец-то! – сказал рыцарь, пожимая десницу князя. – Завтра, как я понимаю, долгий и непростой день. Поэтому: вечерять и спать!

Лёгкий ужин на столе и две койки с по-монастырски худосочными подушками тут же напомнили Святополку, что и прошедший день простым и коротким язык назвать никак не повернётся. И потому немедленно приступил к трапезе, не думая оспаривать указание старшего товарища.

Однако любопытство било во все колокола, распирало изнутри и еде мешало. И потому, чуть пожевав, витязь оторвался от скудного стола и обратил взор к Бренксу.

– А что завтра-то? – проговорил он.

– Грегин просил до времени не разглашать, – твёрдо ответил на это рыцарь. – Я даже ему не сказал, – он кивком головы указал на брата. – Да ты ешь, ешь. А я тебе пока один любопытный документ почитаю.

Питтерн взял со стола лист папируса, пододвинул ближе фонарь, присел.

– Та-ак, – протянул он. – Ну, слушай: «Скроен ладно. Росту два аршина и десять вершков. Лицо румяное. Усы и борода еле пробиваются». Как ты думаешь, на кого похож?

Сын Ратибора непроизвольно провёл рукой по щеке. Усы и борода «пробивались» уже весьма ощутимо.

– Да мало ли на кого, – пробурчал он, возвращаясь к куску сухой лепёшки и какому-то жгучему, пахучему отвару.

– А всё же? – произнёс, настаивая, Питтерн. – Впрочем, подожди, тут ещё. Вот: «власами светел, очи...» Подробно составлено. На, сам глянь.

Святополк взял листок, вчитался.

– Нет, не обязательно на меня, – чуть помолчав, упрямо проворчал он. – Скажем и на Всеволода тоже.

– Да, верно, – согласился рыцарь, – но, вот в чём дело: это описание... э-э... некоего молодого человека мы обнаружили в избе твоего друга Ма-ара. И Всеволода, как ты понимаешь, к этому делу не прилепишь.

Сын Ратибора старательно дожевывал кусок хлеба и посмотрел на рыцаря.

– Ма-ара? – переспросил он.

– Его, – качнул головой Бренкс.

– А оно... откуда? У него? У Ма-ара? – понимая, что вопрос выглядит довольно-таки глуповато, произнёс князь.

– Да Лигнар его знает, – улыбнулся рыцарь. – Видишь ли, у этой штуки, – Бренкс похлопал ладонью по покрытому корявыми буквами листу, – даже лунного запаха нет. Вот так-то...

Глава 2

– 1-

Бурый сумрак громоздился мягкими складками по углам, скрадывая гигантские размеры величественного семиугольного зала. В вышине – под самым потолком – тускло горела единственная свеча. Она даже не пыталась развеять тьму.

– Ярче, – проговорил вполголоса Грегин, усаживаясь на трон.

И мигом бросились врассыпную волшебные светлячки, нашедшие себе приют в неверном стеариновом пламени. Мерцающие трассы пронзили мглу, оживив факелы и камины. А следом расцвёл зал. Краски и блики заиграли по коврам и доспехам, по одежде и по лицам людей.

– Общий сбор... – произнёс тихо магистр, как бы взвешивая слова. – Редко, редко такое бывает. Но опасность, ныне грозящая нам, действительно велика. Гораздо, много серьёзнее, чем всё, что случалось прежде. Иной мир желает поработить нас. И если не встанем мы дружно – плечом к плечу – то многих ждёт нечто похуже смерти... Брат Тео, расскажи нам...

Теофраст поднялся, прошёл в центр, огляделся. Он уже освободился из своего добровольного заточения, но был с головы до пят увешан стеклянными оберегами.

– Мир, в котором мы обитаем, не единственный, – бодро начал он. – Вот, смотрите...

Махнув небрежно рукой, кудесник сотворил перед собой доску на манер университетской. Правда, совершенно прозрачную.

– Все, кто изучал математику, знают, что такое прямая, – заговорил снова волшебник.

Подхватив из воздуха кусочек мела, он прочертил на доске линию, в середине которой поставил жирную точку.

– Ноль – это смерть, – пояснил он. – Плюс один... – Он отметил, – то место, где живём мы. Два – крайгорты... А есть ещё и три, и четыре, и так далее. Общим числом семь. И так же простираются миры в противоположную, отрицательную сторону. Что там – мы вряд ли когда узнаем. Хотя... Но сейчас не об этом, – недовольно прервал он себя. – Речь о другом. Из каждого мира можно легко странствовать на одну ступень вперёд или до нуля назад. И это делает наш мир весьма уязвимым, как это ни прискорбно, ведь мы, друзья мои, открыты всем положительным числам... ну, то есть... средам обитания. К сожалению... Мы ж, в свою очередь, можем добраться лишь до крайгортов... Но вот вопрос: надо ли нам туда забираться? И здесь уже проблема не столь военная, не столь... э-э-э... научная, сколь этическая. Хотим ли мы стать агрессорами, уподобиться призракам? Или удовольствуемся тем, что вышвырнем их обратно? Но в таком случае, ежели мы вознамеримся дать им отпор здесь – на нашей территории, то это следует сделать так решительно, так жёстко, чтоб им запомнилось. И впредь уж было неповадно.

Старый кудесник откашлялся, умолк, обвёл взглядом собравшихся. Зал хранил молчание.

– Мнение брата Тео мы услышали, – нарушил тогда безмолвие Грегин. – И его позиция, как я понимаю, заключается в том, что надо дождаться некоего момента, когда центр крайгортов появится здесь, у нас. И уже тогда нанести по нему сокрушительный удар. Призрак не индивидуален и, следовательно, уничтожив главного – уничтожим всех. Во всяком случае, разобщим. После чего справиться с ними будет гораздо легче. Но жаль, не ведаем мы пока, что представляет собой этот главный... Что скажете, братья?

– Брат Теофраст, – подал голос Лекрюэль, – а как так вышло, что, прожив столько лет среди крайгортов, вы не определили, как выглядит эта пчелиная матка, их основа? Ведь от неё исходит вся эта злоба и ненависть, вся их враждебность.

– В том-то и странность, Адальберт, – проговорил кудесник, комкая в кулаке бороду, – что за то время, какое пребывал я в чуждом зелёном мире, ни один из призраков не выказал неприязни ко мне. Совсем напротив: их поведение казалось довольно доброжелательным. Оттого и не думал я искать эту «пчелиную матку», как ты выразился. И лишь в последние дни заинтересовался я этим их коренным отличием от нас. Конечно, тут же принялся и изучать, и выпрашивать, и присматриваться. Но, увы. На этой стезе я претерпел неудачу. Не смог подступиться к загадке. И теперь всё, что у меня есть – это гипотеза, которую я намерен вам немедленно изложить...

Волшебник снова замолчал, потёр лоб.

– Да говори уже, – пробасил, пытаясь шептать, Глокер, стоявший рядом с сыном Ратибора.

Неизвестно, услышал ли эти слова Теофраст, но он немедля продолжил:

– А гипотеза моя такова... вот смотрите... те центры, которые существовали у крайгорттов раньше, никогда не выказывали склонности к агрессии и всегда проявляли лояльность к обитателям соседних миров. Но ныне эти центры порушены. А власть над призраками забрал кто-то другой. Сам к их племени не относящийся. И именно этот чужак заставил их – не обладающих собственной волей – напасть на нас. Поэтому ныне призраки сами являются жертвой. И в нападении на людей невиновны! Вот такая у меня...

Гул возмущения пронёсся в зале. Бьёрн, Артимуc, Вольфганг, да и многие фиосинисты недовольно качали головами и перешёптывались. И даже Грегин был, кажется, несколько обескуражен последней фразой старого друга.

– Не они? А кто ж?! Какой ещё чужак? – раздалось несколько голосов.

– Кто-то, и прямо скажу: не знаю кто, воспользовался тем, что они не отдельные особи, и проник в их общность извне. Извне! – быстро проговорил Теофраст. – И сейчас управляет ими. И заставляет атаковать нас. Чужими руками, как говорится...

Люди зашумели ещё больше, послышались какие-то возгласы.

– Тихо! – проревел Великий магистр, перекрывая гул. – Тео знает, что говорит. И я ему верю. Незачем нам переходить границы зеркал и вторгаться туда – к крайгортам. Тем более что нашего главного врага там нет. Он... или она... уже здесь.

– Но где? – выкрикнул невысокого роста старик, какой-то весь квадратный, чертами лица здорово смахивающий разом на Хохлача, Капчо и Стережного, что позволило Святополку сделать вывод – это их брат Пихто – посол Ордена в Мадриме.

– Где? – тут же обернувшись к посланнику, переспросил Грегин. – На этот вопрос я, пожалуй, отвечу. В Странном месте.

– 2 —

«Что сейчас будет!» – мелькнуло у Святополка. Немедленно представилось ему, как фиосинисты, совсем недавно такие степенные, примутся топтать ногами, свистеть, опровергая сказанное Грегином. А седовласый Жёлтый магистр (Рауль, кажется), вскочит на закорки, скажем, к Стережному и они, размахивая бородами и волшебными палочками, понесутся с гиканьем и улюлюканьем к Шток-Дебру, чтобы его свергнуть.

Но, конечно, ничего подобного не случилось. Да и волшебных палочек никаких у братьев не было. От того картинка, нарисованная озорным воображением витязя, развеялась, а в зале повисла напряжённая тишина.

– Но почему там – в Странном месте? – задумчиво проговорил Кар-Ждон.

– Видишь? – Цветной магистр достал из объёмного кармана книжку формата in octavo. – Это «Великое Сияние». А это, – он извлёк второй манускрипт, но размером уже побольше – in quarto – то, что дал мне утром князь Святополк.

– И что?

– Я всегда чувствовал, что связь между ними есть, хотя трактат на санскрите⁹, а святополкова книга на древнесловском.

– А что за книга-то? – встрял снова Пихто.

– Разве я не сказал? – заулыбался Грегин. – Это один из самых древних списков «Возвращения Нового Пути».

Вздых разочарования прошёл над толпой.

– И всего-то, – довольно громко произнёс Гамарт, стоявший чуть особняком.

– Нет, не «всего-то», – откликнулся магистр. – В нём наличествуют неизвестные нам апокрифические вставки.

Он осмотрел зал. Но новых вопросов пока ни у кого не возникло. И Грегин заговорил дальше.

– Если сопоставить тексты, становится понятно: они части единого целого. Но читать их следует поочерёдно – по строчке из каждого. И вот вам прямо – с первого листа... Я выписал...

Шток-Дебр рассовал манускрипты по карманам, а из рукава вытащил пергамент, свёрнутый в рулон.

– Итак, слушайте, я паузы делать буду... «Тайное место, где пыль, трава, одиночество... Между великими горами и океаном... где лиловая река и пещеры прошлых царей... Как выйти не поверженным из трёх столбов... где обитают идолы. Из края лесных духов... раскосых, словно злоба и тьма, пустота... Ведьмы: пляшут они по цветам... Королева пришла из-за гор... В свете костра зелёные искры... пришельцы из дальнего мира... Людям несут они горе и злую напасть... Он победит их. Тот, кто не дойдя, умер...»¹⁰ Впрочем, последняя строчка к делу не относится.

«Как не относится?» – хотел было воскликнуть Святополк, но сдержался. Не до того сейчас. После.

– Нужно ли пояснять сказанное? – проговорил, тем временем, Цветной магистр, как бы давая понять, что всё и так ясно. Но Кар-Ждон, здесь же склонившись к брату, что-то шепнул, и Грегин, покрывив губами, досадливо промолвил: – Нет, всё ж таки нужно. В зале – я знаю – много тех, кто в Странное место до сих не навевался. А там как раз такие топонимы и встречаются: Леший раскос, Ведьмина пустошь, Идолы столбы. И река лиловая – Вайэлит – протекает. Вот так место и обозначилось, где «пришельцы из дальнего мира» в свете зелёных искр несут людям «горе и злую напасть».

– Домыслы, – буркнул Гамарт.

– Возможно, – добродушно произнёс Грегин. – А возможно, и нет. И вот ещё, обратите внимание: «Королева пришла из-за гор». О чём это?

– Сказки! – проронил в тон Гамарту молодой высокий фиосинист в красной сутане. – Кто её видел?

– Рис Зандер, – шепнул Святополку, указывая на говорящего, стоявший рядом Стережный. – Восходящая звезда, ёрш ему в глаз... И как его Грегин терпит?

– А о чём он? – промолвил князь, разглядывая красносутанника. Кого-то он напоминал. Только кого, неясно.

– Об Эльве – Королеве Огней. Она ж за горами обретается, коли не врут.

– А... – промычал сын Ратибора, решив, что надо прислушаться, ведь, вроде бы, из-за неё – Эльвы – погиб дед Всеслав. Во всяком случае, так говорили.

---

⁹ Литературный язык в древней Хинде.

¹⁰ См. Приложения к части II.

– Рис, – с укором проговорил тут Грегин, – неужто ты подумал, что всё это безоговорочно приму я на веру? – Волшебник покачал головой. – Но и без внимания старинные пророчества оставлять не след. Можешь не беспокоиться, во всём разберёмся.

В общем, с час ещё судили-рядили. Спорили о способах, методах, сроках, но в главном сошлись. И, разделяя точку зрения Теофраста, согласились, что крайгорты, скорее всего, сами жертвы. И бороться, в первую очередь, следует не с ними, а с тем неизвестным существом, которому они подчиняются. Хотя, возможно, существ таких несколько или даже много.

Чтоб доподлинно это выяснить, а так же узнать, где располагается центр крайгортов («штаб», – сказал Бренкс) порешили отправить в Странное место разведчиков. И добровольцы, безусловно, сразу нашлись – Святополк, Всеволод, Уклинстор и Гилберт.

– 3 —

– ...Дабы уберечь вас от ненужного риска, и памятуя о том, что вы люди горячие, а дело ваше заключается, единственно, в разведке и более ни в чём, – говорил Великий магистр, прохаживаясь перед молодыми воинами, – я принял решение отправить туда не вас самих, а ваш разум. И не пререкайтесь! Разнюхаете, что к чему – и назад. Без лишнего геройства. А то знаю я вас! Сам такой был. Брат Кар всё покажет.

Дискутировать с магистром смысла никто не видел. Ведь, как он сказал, так тому и быть. Поэтому четверо разведчиков без лишних слов двинулись за уходящим Кар-Ждоном.

А Великий магистр, очертив в воздухе мерцающий фиолетовыми сполохами круг, пробормотал:

– Обереги вас Лигнар.

– 4 —

Молодые люди, поднявшись по узкой винтовой лестнице на второй этаж, оказались в длинном коридоре. Там вдоль стены выстроился ряд стеклянных сосудов, формой напоминающих элийские амфоры, но высотой примерно в полтора человеческих роста. Это в одну из них просил заключить себя Теофраст, вернувшись из зазеркалья.

Подойдя ближе, Кар-Ждон, нащупал в сосуде ручку и потянул на себя. Сосуд, выполненный из двух половин, одна из которых оказалась дверцей, распахнулся.

– Сюда, – сказал Оранжевый магистр. – Вот здесь, внутри, вы должны просидеть по семь часов. Сразу предупреждаю: это нелегко. Приготовьтесь. Когда начнётся, вы погрузитесь в себя и воспарите над миром. Пройдёте сквозь призму времени и, надеюсь, вернётесь обратно.

– Магистр, – выслушав краткие наставления кудесника, промолвил в недоумении Гилберт, – подобное предприятие более напоминает испытание на прочность, чем разведку.

– В самом деле, – вторя ему, произнёс Уклинстор. – По-моему, гораздо проще отправится в Странное место обычным способом.

– Проще, сложнее... как относительно, – пробормотал Кар-Ждон. – А, ладно, – махнул он рукой, как бы приняв какое-то решение. – Грегин, наверное, будет недоволен, если узнает, что я вам всё выложил, но... Короче, слушайте. Да, действительно, это испытание. Последнее. Вам уж, конечно, все уши прожужжали о Пути. Точнее, о начале Пути... Так вот, начало, простите за скверный каламбур, подходит к концу. И направляясь в Странное место, вы не только осуществите необходимую разведку, но и пройдёте испытание.

Молодые люди переглянулись.

– Попали, – сказал Всеволод.

– Влипли, – улыбнулся Уклинстор.

А Святополк негромко проговорил:

– Стало быть, проба... А дальше что? Во имя чего, так сказать?

– Это не ко мне. Это к Грегину, – замахал руками Кар-Ждон. – Вернётесь – он всё скажет.

– Тогда, что зря время терять? – проговорил Гилберт, оглянувшись на сына Ратибора. –

К тому ж, сами вызвались.

– Поехали, – кивнул князь.

И Оранжевый магистр принялся одну за другой закрывать «амфоры», отрезая разведчиков от реального мира.

– 5 —

Сначала ничего особенного не произошло. А потом словно туча нависла над головой. И посыпал из неё снег. Замельтешило в глазах, запрыгали вокруг синие кляксы, зашуршало осенним павшим листом, и пришла темнота.

– Простите, князь, – услышал Святополк чей-то, словно б надтреснутый, голос, какой бывает у людей хлебнувших не одну чашку горя. – Случай больно уж подходящий. Не можете уделить мне пару минут?

Сын Ратибора приоткрыл веки. Прямо перед ним кренилась, чуть не падая, ветхая, отчего-то знакомая хижина, а на её пороге стоял некто в чёрной вотоле¹¹, опоясанной красным кожаным ремнём. В его волосах, при этом, блестели яхонтовой искрой четыре небольших рога.

– Ещё раз прошу меня извинить, сударь, – учтиво проговорил демон, склоняя голову в знак приветствия, – но, право слово, лучшего момента, чтоб побеседовать с вами сложно и придумать. Да и нужда подпирает... Проходите.

Нечистый толкнул дверь, широким гостеприимным жестом приглашая молодого воина войти.

Святополк ещё раз взглянул в лицо демона, пытаясь разглядеть скрытое торжество зла. Но ничего, кроме печали, да ещё, возможно, сжатой в пружину тревоги, не увидел.

«Ох, Триединый, охраняй меня», – пронеслось в мыслях, когда, более не колеблясь, ступил он внутрь. Ещё переступая препону¹², князь вспомнил, что сруб этот, неизвестно каким чудом не рассыпавшийся пока на отдельные брёвна, он видел тогда – в смертном сне, когда лежал убитый цепью Бухнадара.

В глубине избытки пахло сыростью. На полу и на стенах лежали дрожащие тени. Но парсуну, изображающую корабль, летящий в морской пене, Святополк разглядел.

– Присаживайтесь, – произнёс демон, указывая на низенький табурет. – Можете не опасаться. Никакого подвоха. Сейчас объясню.

– С кем, собственно, имею?.. – промолвил сын Ратибора, осеняя комнату троеперстием.

– Имя моё вам ничего не скажет, – тут же ответил дух, косясь на святое знамение. –

К тому ж, выговорить его покуда не один смертный не смог. Посему, зовите меня, как душе угодно.

– Четырёхрогий – пойдёт?

Нечистый пожал плечами.

– Пожалуйста.

– И что вам от меня нужно? – спросил Святополк, всё-таки осторожно присаживаясь.

– Боюсь, что наперёд, не мне от вас, а вам от меня, – заметил Четырёхрогий, устраиваясь напротив. – Вы же хотели узнать, кто такой Велеяр? И зачем Кириша покойный вам через Колтыря книгу передал?

Князь побледнел. Сложил пальцы оберегающим замком.

---

¹¹ Род плаща.

¹² Порог.

- Говорите.
- Как звали Радомысла? – откликнулся незамедлительно странным вопросом демон, закидывая ногу за ногу.
- Что значит: как звали? – не понял Святополк. – Радомыслом и звали.
- Как по имени-отчеству? – уточнил тогда терпеливо Четырёхрогий.
- Ну как, известно: Радомysl... ну... Тьфу, чур!.. Не знаю. Как-то не задумывался.
- Радомysl, сын Велеяра, – проговорил демон медленно, поглядывая на князя и оценивая, какую реакцию это известие на него произведёт.
- Любопытно, – едва слышно прошептал Святополк, внешне оставаясь спокойным. – И что: Велеяр до сих пор жив?
- Демон кивнул.
- Как же такое возможно?
- Для того, кто решил теорему Манса, нет ничего невозможного. Если к тому ж, вкупе с этим, он во всех её тонкостях и частных случаях разобрался.
- Князь припомнил, что о ней, о теореме этой, упоминал однажды вскользь Хынсебен.
- И о чём теорема? – поинтересовался он.
- А вот на неё сегодня времени нет. Вы ж её не решали пока...
- А на Киршу, хотя бы есть? – перебил нечистого витязь.
- Четырёхрогий усмехнулся.
- На него есть. Кирша – сказочник доморощенный – падший ангел, от рук отбившийся. А Колтырь – бывший демон. Как они промеж собой сошлись: не знаю, не ведаю. Но факт остаётся фактом. Разглядели друг дружку как-то заблудшие. И принялись на пару пить-попивать и добро прожигать. А как пропили, так работать пришлось. Кирша, как вы знаете, сапожником подвизался, а Потыка беспутный – метельщиком... От чего, думаете, стрелы его не берут? Против него ж кол с трепетицы¹³ нужен или серебро, а остальное...
- А что ж Кирша помер?.. Если он...
- Как же, откинул бы он копыта... то есть, крылья, кабы нос свой длинный везде не совал... Читать стал всё без разбора. Шибко грамотным стать захотел. Вот и...
- То есть?
- Книгу святую, —демон поморщился, – изучить решил. А там не для него писано. Забылся старый. Возомнил, что он по-прежнему – дух небесный, светоносный.
- А в книге что?
- Не буду я о ней толковать. Мне-то жить ещё не надоело, – произнёс Четырёхрогий.
- Ладно, с книгой, – махнул рукой Святополк и, незаметно для себя переходя на «ты», добавил: – Скажи лучше: почему Велеяр жив, пока она у меня?
- Ты – Радомыслич, – как бы соглашаясь, что можно без церемоний, откликнулся демон, – а значит – потомок Велеяра. И тех, кто был до него. В книге же – жизнь вашего рода. Свидетельство того, что вы – избранные. Такие же, как, к примеру, Шток-Дебры. Знаешь: сколь Грегину-то лет?
- Святополк не знал. Хотя догадывался.
- Без малого триста пятьдесят. А Кар-Ждону и того более. И они ещё о-го-го!
- Слушай, – проговорил князь, – а ты мне для чего всё это рассказываешь?
- Считаю, что жест доброй воли, – ответил демон. – Но не только. Нам мосты с Орденом и с отцами святыми наводить пора. Крайгорты – для нас тоже проблема. Сообща и решать. Так что давай: услуга за услугу. Я тебе – информатию про книги-теоремы, а ты с Грегином потолкуй. Скажи: мы с ним встретиться желаем. Нет, нет! – он торопливо воздел руки, предугадывая мысль Святополка, – никаких одиозных фигур с нашей стороны. Ни Таджмора, ни Вия, ни

---

¹³ Из осины.

Фернира. Никого из тех, кто спит и видит: как бы сожрать кого да насильничать. Я вот, скажем, ничем жутким пока не прославился. И нас... группа таких. Мы, вроде как, заговорщики...

Демон примолк. Посмотрел на князя.

– Добро, – сказал Святополк, подумав, что в разговоре с бесом это слово не совсем уместно. – Переговорю. А как с тобой связаться? Где тебя сыскать?

– Я тебя сам отыщу, – ответил демон. – А ты помни и знай, что не только Велеяр пока жив, но и Мыслята... Да ещё пирауста тебя ищет – убить хочет...

И – злодей – на полужразе растаял в воздухе.

– 6 —

«Они меня с ума сведут, – подумал молодой князь, выходя из хижины. – С Велеяром, да и то не до конца, что-то прояснилось. Так вот теперь – Мыслята какой-то. Плюс пира... Как он сказал?..»

Сын Ратибора прикрыл за собой дверь.

И как солнце расплавленную слезу обронило! Всего жгучим жаром обдало! Молодой воин зажмурился, прикрыл глаза рукавом. «Призма времени», о которой Кар-Ждон упреждал? Или же... Ну, Четырёхрогий! Он, небось! Какой бы ни хороший, а всё ж демон! Никак им без того, чтоб человеку гадость какую не подпустить. Хотя б по мелочи, но непременно.

Кое-как приподняв обожженные ресницы, Святополк в ужасе отшатнулся. Час от часу не легче! Стоял он, оказывается, на самом краю крутого обрыва, а внизу простиралось глубокое тёмное ущелье. Стены которого покрывала буйная растительность – рдяные гигантские цветы и жирные, острые, словно бритва, листья. «У нас зима на носу, а здесь... что ж за крики там?»

Молодой витязь бросил взгляд в бездну, где разглядел кипящую схватку. Человек бился с чудовищем – помесью грифа и льва. Но монстр – стоил ли он внимания? Вот человек! – это же Уклинстор Бренкс!

– Держись! Держись, Укли! – прокричал Святополк. – Я иду!

Ох, как быгодились сейчас кольчужные рукавицы, да что теперь говорить... Надрезал штанину, рванул, ладони обмотал. И – в пропасть!

Так, стать сюда, перехватиться. На уступ, дальше... передо мной открылась бездна... ну, Артимус, как знал! На корень... Скользит, зараза! Шириной она была... ничего, сдюжим, сюда... с глубокий водопад... теперь туда... и я тогда подумал: что же?.. Нет, боги, а, чур! Див! Как там Хынсебен сказал: козий потрох?.. Чего хотите от меня?.. Но я прозрел... точно: потрох!.. Увидел звуки... проклятье! Что ж они так густо растут? И ноги видел я и... Тадж... мор! И руки¹⁴. Ух! Всё! Бедные руки!

– Укли! Ты где?!

Но вокруг было пусто. Ни Бренкса, ни чудища. И что? Куда теперь? «Пока никуда», – ответил сам себе князь, потому что из-за утёса показались две гигантские птицы, напоминающие издали ощипанных куриц. Совершая огромные прыжки, они стремительно надвигались, видимо, намереваясь разорвать молодого воина на куски.

«Милые пичуги», – подумалось Святополку. Он отпрыгнул, увернулся от кривых когтей, вскочил на камень, взмахнул мечом (правда, без толку), отпрянул – длинный изогнутый клюв пронёсся мимо. Помянув заячьего бога и «тётку Мару», оттолкнулся от скалы и, потянувшись что было сил, воткнул излюбленную серебряную стрелку в шею одной из «куриц».

---

¹⁴ Стихотворение Артимуса Глокера (в его же переводе на роцкий): Передо мной открылась бездна. Шириной она была с глубокий водопад. И я тогда подумал: боги, Чего хотите от меня? Но я прозрел. Увидел звуки. И ноги Видел я и руки. А свет небесный шёл отвесно, Лучи роняя невпопад.

Птица зашипела, затопталась на месте, а витязь, не теряя времени, бросился вперёд и нанёс разящий удар гюрятовским мечом.

Но вторая «птаха» не дремала. Взмахнув куцыми крыльями, взлетела над князем и тут же с грозным клёкотом низвергнулась вниз. Менее чем в вершке от Святополка вонзился в землю ужасный клюв. А когтистая лапа, мгновенно выброшенная в сторону, угодила воину в бок.

Князь покатился по траве, ударился пренеприятно локтём. Схватившись за один из цветков, подтянулся, встал во весь рост, выставил впереди себя меч. Ощущения были хуже некуда, по всему, справа наливался огромный синяк.

Птица же, склонив голову набок, не моргая, глядела на витязя, как бы удивляясь его прыткости. «Не иначе – сказать что-то желает», – усмехнулся воин, удивляясь тому, что пока не теряет присутствия духа.

Но пауза истекла быстрее, чем бы хотелось. И монстр, хлопая неистово крыльями, с удвоенной яростью набросился на молодого гридника, без промедленья пустив в ход весь свой жуткий арсенал – клюв, когти и крючкообразные шпоры.

– Держись! – донеслось сверху.

Там – в вышине, на фоне сине-алого неба – показалась фигура Гилберта, машущего рукой. Миг спустя гринуэллец устремился вниз. А молодой князь, увидев, что помощь близка, завертел, как мельница во все стороны клинком, чтобы не позволять чудищу приближаться.

Краем глаза он наблюдал за передвижением графа. Тот торопился, не замечая жестоких порезов. И, благодаря тому, что маршрут он выбрал более пологий, спуск удавался ему даже быстрее, чем сыну Ратибора. И трёх минут хватило Гилберту, чтоб оказаться внизу. Но как только его подошвы коснулись дна...

Исчезло всё – и монстры, и Гилберт, и... Нет, ущелье, пожалуй, всё же осталось прежним. Хотя...

– 7 —

Тяжёлый шлепок сзади заставил воина обернуться.

Да, что же это? Из огня да в кострище? Чудо-юдо какое-то. Такой зверюге ошипанные курицы и в подмётки не сгодятся. Огнедышащий трёхглавый дракон! Змей Горыныч! Весена о таких сказывала. И что прикажете с ним делать?

Дракон же, крутанув туда-сюда жабыми головами, приметил воина и, выдохнув клуб пара, пророкотал:

– Человечьим духом пахнет!

«Не врут былины», – подумал с некоторым сожалением Святополк. Он прислонился к скале, утёр со лба пот, поглядел на змея. Пред таким и отступить не зазорно. Но вот куда?! Массивная туша закупоривала выход из оврага, а вверх... Курдуша с два туда взберёшься. Да притом так, чтоб быстро... Значит... эх, один раз помирать – второго не бывать! И, помянув Руевита...

– Эй, лягушка говорящая, – прокричал, задрав голову, витязь. – Языком трепать будешь или драться?

«Горыныч» сощурился.

– Я ж тебя...

– Да знаю! – заорал, перебивая, сын Ратибора. – На одну лапу положишь, второй прихлопнешь. Но не бахвалься! Ты попробуй сперва!

Дракон, видимо поражённый наглостью, склонил одну из голов к витязю, будто пытаясь рассмотреть его получше.

Но Святополк только этого и ждал. И мигом перескочив на загодя присмотренный каменный выступ, со всего маха рубанул мечом. Словно старый крестьянин подрубил мотыгой

сорняк! Голова, так беспечно приблизившаяся к молодому воину, отлетела в заросли дрока. А змей, заревев, взвился на дыбы, подняв облако пыли. Огненный вихрь вырвался из пастей чудовища, пронёсся по ущелью. Съёживались от жара и отползали, извиваясь, ожившие, принявшие багрово-сизый оттенок, цветы, а молодой гридник вновь покатился по земле («что-то часто сегодня!» – невольно отметил он), надеясь погасить пламень, охвативший одежду.

«Всё! Задавит гад ползучий, к бесам, если шлёпнется».

Но в этот момент пришло спасенье. Исполинских размеров волк спрыгнул откуда-то сверху и, приземлившись в полусажени от бившегося в судорогах дракона, набросился на него с глухим, леденящим душу рычанием. Словно собака напала на тигра. И на счастье, «собаки», «тигр» был ранен.

Хвост чудовища, увенчанный гигантскими костяными шипами, плёткой просвистел в воздухе, обрушился на нового врага. Но тот лишь прижал уши и ещё яростнее принялся рвать кожу змея, покрытую роговыми пластинами, стремясь скорее добраться до плоти.

Волчьи клыки, как видно, причиняли дракону невероятную боль. Однако попытки змея стряхнуть противника успеха не возымели. И тогда чудовище, неуклюже подпрыгнув, завалилось на спину, надеясь придавить хищника. Зря! Не ослабевая хватки, волк мигом перескочил на брюхо дракона и продолжил терзать его, вгрызаясь всё глубже.

И здесь Святополк, видя, что внимание змея сосредоточено на сером, в два прыжка приблизился к месту схватки и молниеносными ударами отсёк оставшиеся головы.

Дракон забился в агонии. Из обрубков вырвались бурые фонтаны, накрывая окрестность паром, огнём и тягучим запахом крови. А волк, разжав наконец зубы, скатился в почерневшую от гари траву.

– Прекрасная охота. – Серый с трудом поднялся на ноги. – Но в этом ущелье полно таких же тварей. Эльвой затавранных. Так что, поторопимся. Залезай на меня.

Святополк ухватился за загривок, вскарабкался на зверя. И тот помчался из теснины прочь. Спустя несколько мгновений они вырвались на простор.

– Теперь спускайся, – попросил хищник, и витязь спрыгнул на землю. Волк немедленно принялсялизывать раны, которые почти сразу же зарубцовывались, а молодой гридник поспешил осмотреться.

– Что значит: «затавранных»? – спросил он.

– Они Королеве Огней принадлежат. И на каждом клеймо стоит – лапка саламандрина. Как звёздочка маленькая. Что он, мол, не дикий какой-то, а вполне домашний.

– Ни Таджмор себе, домашний! – проговорил князь. И, оглянувшись, добавил: – А где мы находимся?

– Ведьмина пустошь, – коротко бросил волк. – Два шага и...

– А отчего она «ведьмина»?

– Просто: ведьмы тут обитают. – Серый оглядел себя, поморщился. – Но мне пора. Будь осторожен.

– Кого благодарить мне? – крикнул вслед молодой воин.

Но волк, наверное, не услышал.

– 8 —

Ведьмина пустошь являла собой довольно унылое зрелище. Кругом одна глина, что вся потрескалась без дождя. И не единой травинки – сколь не смотри! Да и не то – травинки, камней и тех не видать! Точно первобытный безлюдный мир открылся взору.

Правда, с другой стороны, это ж и не плохо! Так как ни мавок, ни вил¹⁵ пока тоже не наблюдалось. И молодой князь, начертав в воздухе букву «Т» – знак Триединого, и дав себе зарок ничему тут не верить, бодро вступил на территорию ведьм.

Один шаг – и будто проснулся! Всё мёртвое – ожило, тусклое – засверкало. Птицы, цветы, бабочки... И небо – глубокое и прозрачное, даже звёзды угадываются. Как в сказку попал. Ну и ведьмы!

А вон и они – хороводы водят. Понёвы¹⁶, шали на них кружевные из папоротника. Макиландыши в волосах... Чудо!

– Витязь, иди к нам, – пропела тут жаворонком одна из танцующих.

Как же она мила! Как грациозна! И куда лучше, чем Мартинка или Меленора. И чего бояться? Чему не верить? Глупость какая! Святополк отбросил сомнения и зашагал к ним.

– Не Ратибор тебя звать? – проворковала ведьма, нежно взяв его за руку.

А впрочем, какая она ведьма? Она – цветок на скале. Луна из-за туч.

– Нет, Цветка, глянь сама, – ответили ей. – У того волос – вороново крыло. А этот светленький.

– Вот теперь вижу, – прозвенела капелью Цветка. – Ты – Святополк. Верно?

Она заглянула ему в глаза.

– Да, – проговорил витязь. – А Ратибор – мой отец. Но он погиб. И давно...

На челе её отобразилось страдание.

– Я знаю. И так жаль, что я не могу видеть его.

– А он, что – был у вас? – поинтересовался гридник, пытаясь уловить смысл произнесённой фразы.

Ведьма вздохнула:

– Он и сейчас здесь.

– Да ну? Как это? – удивился витязь.

– Кто к нам зайдёт, тот уж не выйдет, – ещё более непонятно ответила Цветка.

И будто на что-то решившись, прижала палец к губам, схватила витязя за руку и потащила за собой.

– 9 —

– Куда мы идём? – спросил сын Ратибора, когда смолкли вдали голоса беззаботно танцующих ведьм.

Юная мавка, не слова не говоря, встала на цыпочки, напечатлела поцелуй на его губах, а после тихо, едва слышно, шепнула:

– Очнись. Смотри!

И он увидел.

Не было вокруг никаких садов. Не было водопадов. Развеялись миражом. А на их месте чернел омут болотный, затянутый скользкой зелёной тиной. Слава богам, хоть девушка – ведьма юная – прежней осталась, не обратилась скрюченной беззубой старухой.

И вдруг, о Свентовит тривеликий! Как из тумана проступили в облике Цветки черты Меленоры. Мелькнули беззвучной молнией и пропали. Ускользнули, как утренний сон.

– Не сейчас. После. А пока – беги! – отвернувшись и, как бы надеясь утаить набежавшие внезапные слёзы, которые вовсе и не скрылись от взора растерявшегося князя, почти прокричала Цветка.

И указала на тропинку, что, затейливо петляя, стремилась в заросли ежевики.

---

¹⁵ Ведьмы в словской мифологии.

¹⁶ Род юбки (иногда сарафана).

– 10 —

Мир переменялся опять. Святополк увидел себя стоящим на узкой утоптанной дорожке, а прямо напротив возвышались каменные столбы, изрезанные рунами и жестоко побитые временем и дождями.

Молодой князь оглянулся. И только руками развёл. «Где ж Ведьмина пустошь?» Позади него неприметным рыжим пятном сиротливо лежал совсем невеликий клочок земли, где вряд ли мог бы он сделать и пару шагов. И как бы сие не казалось невероятным, но, по всему, это и была обитель ведьм, так как природа там прятала свой лик в уродливых от вечного суховея морщинах, а чуть далее темнело зияющее горло теснины, где только что он и серый бились с драконом.

«Приснилось? Привиделось? Или?..»

Он потёр подбородок, потряс головой и даже постучал по лбу кулаком, надеясь что-то понять, но... И! Меленора? Как? Почему? Ответов, увы, не было. «И я тоже, ох как хорош! Зарок себе дал – ничему не верить. А кто выполнять будет? Как щенок потянулся, не успели косточку показать! Аноха¹⁷! Бестолочь!» – обругал себя витязь.

Но «бестолочь» или нет, а разбираться – не время. Пора двигаться дальше.

И, сделав шаг вперёд, пересёк незримую черту между столбов.

– 11 —

Была ли возможность пройти мимо, свернуть? Возможно. Но отступить, обходить или уклоняться он не умел. Не в его обычаях это. И вот результат!

Стены сверху, сбоку потолок. То ли изба на боку, то ли нечистые шутят. Но в любом случае...

Он лежал связанный по рукам и ногам. А на его коленях сидел с самодовольной улыбкой какой-то мелкого росточка, мохнатый демон. Ясно. Идолы столбы. И, к сожалению, никаких других ассоциаций при слове «идол», кроме Таджмора не возникало. Скверно!

– Попался-таки! – мерзко захихикал бес и похлопал витязя по плечу.

«Иногда всё ж не грех и свернуть», – пробежала запоздалая мысль.

Это был всё тот же домик, где нынче он уже побывал, где беседовал с Четырёхрогим. На стене всё рвал паруса корабль, а он... Проклятье! Он-то как раз и был тем несчастным, которого держали связанным демоны из его смертных видений, пред тем, как оживил Хынсебен.

– Вот теперь, доблестный витязь, глянем. Ты заартачился. С нами в коло¹⁸ не пошёл. А он?

Святополк с трудом повернулся, посмотрел. На него, не отрываясь, взирал высокий, облачённый в грязно-серую рясу старик с измождённым лицом, в котором сквозь смертную усталость проглядывала неистощимая злоба.

– На кой он мне нужен? – прокричал ард¹⁹, потрясая в воздухе кулаками. – Мне нужна книга! Книга!

– Ах, книга?! – хрюкнул бес и, подпрыгнув, прилип к потолку.

Резкий смрад ударил в ноздри, повеяло холодом, сыростью, мраком. Мир вспотел, и мелкой, противной дрожью затрясся. Осторожно посмотрев из-под полузакрытых век, Святополк обнаружил, что теперь уж он стоит, опираясь о стену, а лежит, связанный, наоборот, старик.

---

¹⁷ Простак, глупец.

¹⁸ Хоровод.

¹⁹ Старый колдун.

– Ну, а ты? Как? Всё ж таки пожалеешь его? – тут же весело проквокал демон, выглядывая у Святополка из-за спины.

– Кто он? – вместо ответа глухо спросил князь, замахнувшись на нечистого локтем. – За что вы мучаете его?

– О, за ним много чего числится, – отвратительно гримасничая, залаял бес. – А вот кто он? Ха-ха! Ты ещё не понял?.. Это ж – Мыслята – брат Радомысла. Твой, так сказать, дядька!

– И что же, – недолго думая, произнёс витязь, – ты усомнился, что я немедля не вырву его у вас? Если на то достанет у меня сил и будет воля Триглава?

– Не всё так просто, – заухал совой демон. – Не поспедай. А то оглянуться не успеешь, как...

Лукавый примолк. Поскрёб в затылке, где нечесанные, сбитые в колтун космы, образовывали спутанный клубок. А после приник к Святополку и зашипел:

– Беда в том, что, как только книга Велеяра окажется у него, он порвёт её на крохотные аркушки²⁰. И тогда...

Он развёл лапками.

– Что?! – гаркнул Святополк.

– Тогда тебе конец. Тогда тебя, считай, и не было никогда на свете, – закатывая от наслаждения глаза, проблеял нечистый. – Тогда вместо Радомысла возникнет Мыслята, а весь твой род, все твои предки – Пересвет, Изяслав, Держислав и Ратибор... – он присвистнул, – исчезнут. И возникнут новые. Мыслята бедный этого сто годин ждёт... Но – везёт ему – недолго осталось.

– И целый век вы его томите? – глянул князь исподлобья.

– Извелись уже, – пройдясь по комнате колесом, пропищал бес. – Поседали. Вишь?

И тут же предъявил витязю облезлый кончик хвоста, точно припорошенный инеем.

– Нет! – изрёк гридник. —Как клинком рубанул.

– Что значит: «нет»? – каркнул бес. – Ты что, не прочь отпустить врага? Он же тебя сничтожит. И глазом не моргнёт!

Святополк потянул руку к мечу.

– Воля твоя, князь, – с сожалением промяукал нечистый. – Воля твоя. Но – пожалеешь. Локоток кусать будешь...

– А то – не твоя забота. Сказал: отпусти, значит – отпусти. Повторять не стану.

И сын Ратибора стремительно вышел вон, хлопнув напоследок разошедшей дверью.

– 12 —

А вокруг отчего-то сгустилась ночь. С лёгкой застенчивой улыбкой скользили по небу звёзды. Луна, глянув в сонном томлении из-за сиреневых облаков, поторопилась вновь зарыться в их пушистую перину, а молодой витязь обнаружил себя стоящим в окружении почерневших от времени, засохших деревьев. «Леший раскос»?

– Шёл ты, значит, шёл, – заскрипел тут чей-то сиплый голос, – и к нам дошёл. Хэ, не всякому удаётся!

Святополк разглядел во тьме корявый силуэт лешего. Этот, кажется, напоминал небольшой вязок.

– Я – Святополк, князь Роца, – склонив голову, промолвил воин, памятуя о том, что лешие – существа не чуждые учтивости и благородству.

– Рад познакомиться, – протянул руку-ветку леший. —Я о тебе слышал. Меня Вязом кличут.

---

²⁰ Ключки.

– Дуб про меня говорил, наверное?

– Он. И потому не станем мы путь твой косить. Ты человек хороший. Иди с миром.

Спасибо Белбогу, без ужасов обошлось. Святополк махнул лешему рукой, повернулся и... застыл. Ах, Дивиркиз! За всеми этими приключениями совсем позабыл об истинной цели своего путешествия.

– Постой! – опомнившись, выкрикнул молодой гридник, догоняя лесовика, тяжело топающего прочь. – Скажи: а нет ли тут призраков? Зелёных, полупрозрачных, похожих на тени?

Вяз опасливо повертел головой.

– Как же, – прошуршал он, – сколько хочешь.

– А может, ты видел, где они собираются?

– Отчего ж, видел. Да ты и сам это капище поганое знаешь.

– И где ж оно? – затаив дыхание, промолвил витязь.

– В хижине. В Идоловых столбах.

Вот как? Интересно! Прямо, не избушка, а средоточие тёмных сил. И как они там все зараз умещаются?

– А может, в ней кто из людей бывает? – боясь спугнуть удачу, проговорил князь.

– Из людей-то? – переспросил лесовик, сызнава покрутив головой. – Из людей-то, пожалуй, нет. А вот, пирауста...

И явно в ужасе от того, что проговорился, зажал себе рот веткой. А потом, не оглядываясь, с неожиданной прытью, припустил вглубь леса.

– 13 —

И Святополк сызнава вышел на тропу, неподалёку от которой темнел зев «Ущелья чудовищ». Название сам на ходу придумал. Даже погордился немножко.

Но всё это мелкое тщеславие – ерунда. А главное во всей истории

то, бесспорно, что живой остался. И задание, при этом, выполнил. Правда, вспомнил о нём в самую последнюю секунду, чисто по-роцки, но всё ж вспомнил, узнал, где оно – логово крайгортов, и кто у них во главе... Если дух лесной не привирает. Хотя, зачем ему?

Треск, что раздался в этот момент, прервал мысли князя, обращённые к таинственной «пираусте». И заставил поглядеть вверх. Гигантский нож, ведомый незримой рукой, вонзился в небо. А через мгновение принялся неспешно продвигаться вперёд, вспарывая небесный свод так, как поступает портниха с отрезом ткани.

Небосвод распахнулся. И в образовавшуюся щель посыпались, а точнее сказать, хлынули потоком огромные камни, каждая грань которых так и сверкала, будто вышли они из мастерской какого-то великана-ювелира. Размерами они вряд ли уступали горам Бесконечного хребта.

– Это падают звёзды, – сказал Стережный.

И Святополк проснулся.

– 14 —

– Это очень редкое явление, – продолжил старик, открывая двери «амфоры» и выпуская витязя. – Случается раз в тысячу лет. И сейчас на равнине много наших братьев, которые наблюдают за происходящим. Потом их рассказы пополнят специальную книгу. И может, следующие поколения смогут понять смысл того, свидетелем чему ты явился.

Сосуды открывались один за другим, и вскоре рядом с сыном Ратибора появились остальные участники испытанья.

– Вас ждут в главном зале, – снова промолвил Стережный. – Грегин там. И братья. Но сначала с вами должен потолковать я.

Старый кудесник поглядел пристально на молодых людей.

– Вокруг да около ходить не стану, – проворчал он, насупив седые кустистые брови. – Не умею. Потому – сразу к делу. В битве с Бухнадаром мы четырёх наших потеряли. Ну, вы знаете. И, в общем... – Он наклонил голову, скрестил руки. – Что ответите на предложение вступить в Орден?

Четвёрка воинов застыла как громом поражённая. Такого поворота событий никто из них не ждал. Во всяком случае, сейчас. Глаза Всеволода, и без того большие, казалось, собрались вылезти из орбит. Святополк, пытаясь уразуметь сказанное, усиленно тёр подбородок. А Гилберт схватился за голову и помянул какого-то святого. И один лишь Уклинстор, наверное, знал что-то заранее, отчего обескураженным не выглядел.

– Кабы сие было не столь ответственным моментом, – проронил, по-отечески улыбаясь, Стережный, – я б, верно, рассудил, что вы тугодумны.

– Я согласен! – выпалил тогда Святополк.

– И я, – кивнул Всеволод.

– Да! Трижды, да! – прокричал молодой Бренкс.

– Да, естественно, – опомнившись, откликнулся эхом Гилберт.

– Ну вот и чудесно, – ещё шире заулыбался Стережный. – Тогда идём. Нас уж, поди, заждались.

– 15 —

Грегин вновь восседал на своём троне. Словно б с него не сходил. А вокруг него расположились Цветные магистры и братья.

– Будьте здесь, – молвил Стережный и присоединился к магистрам.

А Грегин неторопливо спустился вниз.

– Вы прошли испытание, – улыбаясь, проговорил он. – Впрочем, я в этом не сомневался. Но мы ещё раз убедились, что вы можете действовать сообща, помогать друг другу. И это здорово, так как я надеюсь, что когда-нибудь вы сможете прийти нам на смену – мне, Кар-Ждону, остальным старикам... И мы принимаем вас в послушники братства. Подойдите ближе и преклоните одно колено.

В абсолютной тишине голос его звучал пронзительно и громко, отзываясь эхом по анфиладам волшебного замка. Молодые люди приблизились, и Великий магистр заговорил снова:

– Вам оказана великая честь. Но на вас налагаются и великие обязанности. Членами братства могут стать лишь самые достойные. И мы думаем, что своим упорством и добротой, честностью и отвагой вы доказали, что заслуживаете принятия в Орден. Можете гордиться этим.

Чуть помедлив, Грегин продолжил:

– Орден существует уже не одну тысячу лет. На заре времён стихии разрушили большой остров, где цвела великая цивилизация. Тогда наши предки переплыли океан и нашли пристанище здесь. К несчастью, многие знания были утеряны, увы, не каждый – носитель мудрости. Но лучшие собрались и по крупицам сложили то, что осталось от знаний погибшего мира. И всё это сохранилось и приумножилось в Ордене.

Теперь же, когда вы стоите на его пороге, вы должны узнать ещё об одном. Первым королём древней земли был великий Лигнар – бог морей и океанов. С тех пор членом братства может стать только его потомок. И это ещё одна причина, благодаря которой вы сейчас находитесь среди нас, ведь в каждом из вас есть частица крови древнего бога и нашего первого короля.

Грегин кивнул, и к нему направился один из братьев, держа в руках длинный обоюдо-острый меч.

– Это меч Лигнара, – произнёс Великий магистр.

Поочерёдно подойдя к Святополку, Всеволоду, Гилберту и Уклинстору, он коснулся плеча каждого из них лезвием древнего оружия.

– Теперь встаньте и будьте равными среди нас, – проговорил магистр.

Он взмахнул рукой, и к каждому новому члену Ордена поднесли обширный поднос.

– Возьмите это, – сказал Грегин.

Там покоилось семь предметов – меч, серп, мастерок, ланцет, кисть, перо и циркуль.

– В нашем братстве нет культа Лигнара, – произнёс Великий магистр. – Мы не почитаем его как бога, но непререкаемо чтим, как нашего отца. А что касемо культов, то он у нас один – культ знаний. И когда через год мы вновь встретимся тут же – в Большом зале – вы должны будете продемонстрировать нам искусство владения семью волшебными инструментами. Срок для того, чтоб научиться – небольшой, но думаю, вам хватит. Если постараетесь... Ну и последнее: вы должны принести обет бежать тёмных страстей и служить, единственно, добру и свету, несмотря ни на что.

– Обещаем, – нестройным хором отозвались молодые фиосинисты.

И радостно переглянулись.

Глава 3

– 1 —

– Ну кто лучше вас справится? – проговорил вкрадчиво Грегин, адресуя свой вопрос Святополку и Рису Зандеру, сидевшим у него в кабинете с одинаково угрюмыми лицами.

– А почему он, магистр? – процедил сквозь зубы молодой фиосинист, бросив в сторону князя неприязненный взгляд. – Он даже не полноценный член братства. У него ещё и сутаны нет.

– Рис, а разве ты не получал от меня заданий, в бытность свою послушником? – вопросом на вопрос ответил Шток-Дебр.

– Да, брат Грегин, вы действительно поручали мне разные дела, – упрямо стоя на своём, произнёс Зандер. – Но я у вас на глазах с колыбели. Вы знали моего отца. И всегда...

– Брат Рисмер! – осаживая молодого человека, перебил его Грегин. – Если вы не желаете ехать, то стоит так и сказать. И я найду князю попутчика посговорчивей.

Официальный тон Великого магистра несколько остудил пыл Риса. По крайней мере, так показалось Святополку, который за время разговора пока не раскрыл рта, а только слушал, запоминал наставления Грегина и согласно кивал.

Молодому князю и самому не по душе был это выскочка Рис с его холёными ногтями, красивым голосом, аккуратной причёской, тонкой щёткой чёрных усов. Так и сквозила в нём наглая самоуверенность, самовлюблённость, непоколебимое осознание собственной исключительности и превосходства над остальными.

Но что делать? Отказать Грегину? Чего ради? Да и в Гиспию прокатится, когда ещё случай подвернётся? «Чернобог с ним, – обдумавшись, решил сын Ратибора. – Тем более, не вдвоём едем. Капчо с нами и Хохлач. Да ещё и Хынсебен в придачу. По просьбе Гамарта. Это уж калугерам не по душе пришлось. Авось уравновесят нас как-нибудь. Драки-дуэли не допустят».

А нужда эта – в Гиспию ехать – от того возникла, что именно там, а точнее, в Мадриме, видели Барона. А ныне ж две цепи у него. Две из семи, необходимых для битвы с зелёным нашествием.

А вот, чтобы понять, для чего Грегину потребовались все без исключения цепи Скорпиона, следует ненадолго заглянуть в день вчерашний. Потому что вчера – пятого идрефа (по западному календарю) или пятнадцатого листопадня (по-словски) – Великий Цветной магистр...

– 2 —

...Великий Цветной магистр вышел из стены, подошёл к окну. Поглядев на дождь, покачал сокрушённо головой.

– Зарядил с утра и сыплет, и сыплет... – проворчал он.

– Да, магистр, – отозвался Скорпион, ибо именно у него в гостях оказался Грегин, – но ведь не о погоде ты хотел беседовать?

Мягкий свет лился из розовых фонарей, освещая полутёмную комнату. Было тепло и уютно.

– Верно, не о погоде, – молвил Шток-Дебр, опускаясь в небольшое облако, служившее чародею креслом. – Крайгорты... они уже повсюду.

– И ты думал узнать моё мнение?

– Нет, я и сам знаю, что предпринять, – ответил Грегин. – И ищу не совета, но помощи.

Скорпион, сложил хвост спиралью, превратился в человека, упал в облако напротив магистра.

– Любопытно, – проговорил он. – Не ожидал.

– Ты – и не ожидал? – скептически произнёс магистр.

Скорпион едва заметно улыбнулся.

– Ну, не то чтобы...

Он моргнул, и в воздухе возник золочёный поднос с фруктами и вином.

– Отведай. Шарульский²¹ виноград самый тонкий.

Грегин сделал глоток.

– И что скажешь? – спросил он.

– Семь цветов радуги... – начал чародей.

– Семь музыкальных звуков...

– Семь великих инструментов...

– Семь основных начал и правил...

– И семь цепей. Соедини это вместе...

– Точно, – подытожил магистр. – Я и сам так рассуждал, но хотел услышать это от тебя.

К тому ж, мне требуется разрешение на использование цепей. Согласись, невежливо воспользоваться без спроса... И ещё мне нужен ключ.

– Ворон?

– Да.

– Не возражаю. В любое время. – Скорпион поднял бокал. – Твоё здоровье, магистр. И – удачи!

– 3 —

Хлопотным выдался день перед отъездом. Для начала Святополк без малого три часа обсуждал с Всеволодом вопросы обустройства родного княжества. Ведь два месяца, минувшие после возвращения престола, истратились только на восстановление государственных основ. Хотя и тут усилий пришлось приложить немало. Сам молодой князь, Всеволод и дворские, ни секунды не пребывая в праздности, метались по городам и весям, беседовали с ратниками, посадскими, крестьянами, выбирали воевод и наместников, договаривались о налогах, законах и дружине. А вот теперь, наконец, подошёл черёд разговора более детального. Оттого молодые князья уединились и принялись толковать о школах и больницах, университете и церкви, ремёслах и торговле. А когда сын Ратибора заговорил о рыцарских турнирах, Всеволод немедля предложил устраивать ещё и состязания вроде тех, что проводились когда-то в Элии.

– Гереконских игр, считай уж, лет триста как нет, так давай свои сделаем – Киричские, например.

– Я – только «за», – откликнулся Святополк, – но рук-то у нас с тобой хватит? Чтоб за всё ухватиться?

– Дворские, брат, не у одного тебя есть, – подмигнул Всеволод.

Он вскочил с кресла, подошёл к письменному столу, придвинул стул.

– Диктуй, – бросил он торопливо. – Я записывать буду.

Постепенно, пункт за пунктом, выстроился подробный план. И явился на свет документ, состоящий из двух частей: «Важное» и «Нужное». В первый «параграфус» вошли армия, налоги, ремёсла, торговля, больницы, школы и университет. Во второй – всё остальное, включая даже увядшее искусство театра. («Тексты комедий-трагедий я тебе для начала достану, а лицедеёв своих выучим», – проговорил киричский князь.)

---

²¹ Шарул – город в Арамеке.

Бумаги извели при этом сверх всякой меры. («На нас не настачишься», – заметил Всеволод.) Но получилось, как будто, неплохо. Даже самим понравилось.

– 4 —

Далее Святополк помчался в кабинет Грегина, где, просочившись сквозь зеркала, вынырнул в Оранжевом замке. И попал прямо в объятия Ярославы.

– Сколько тебя ждать? – всплеснула руками она. – Я уж думала: на меня и времени не сыщешь!

Разговор с сестрой, как всегда, сперва вышел сбивчивый, путанный, перемежающийся вздохами и восклицаниями. Но в целом, молодой князь и здесь преуспел. Порешил, что завтра же, в сопровождении какого-нибудь витязя, Ярослава отбудет домой. И, по мнению Святополка, на эту роль вполне годился Всеволод, всё одно – домой едет. Однако, как тут же выяснилось, юная княжна уже нашла себе верного аколита²², коим непременно желал стать граф Гилберт.

– Так мне что, к свадьбе готовиться? – думая пошутить, молвил сын Ратибора.

Девушка вспыхнула, но взора не опустила. Наоборот, глянув открыто, со счастливой улыбкой радостно выдохнула:

– Да!

И такое сиянье озарило её лицо, что Святополк не нашёлся, что и ответить. Вот тебе и пошутил!

– Отлично, – буркнул в замешательстве он. – А... когда?

Почувствовал он себя при этом невероятно странно. («Славка мелкая замуж собралась!»)

– Не враз, ты не думай. Через месяц... – услышал он ответ.

– А что ж Гилберт-то? Чего он молчит?

– Да здесь Гилберт. Здесь. Под дверью стоит. Мается. Ждёт момента зайти.

И, глянув ещё разок на брата, прокричала:

– Жиль, ну где ты? Иди сюда!

Дверь скрипнула. И предстал граф, который, надо заметить, мало сейчас походил на самого себя – обычного. Стоял какой-то робкий, застенчивый. И переминался с ноги на ногу. «Ох, мама дорогая, – прошептал князь. – Что с ним Славка со своей любовью сделала! И вырядился-то как! Фазан – фазаном! Мало – жабо, так ещё и шапка с пером!»

Сын Ратибора привстал, пожал молодому рыцарю руку, вновь опустился в кресло. Гилберт же остался стоять.

– Святополк, – запинаясь, начал молодой граф, – я... право не знаю, как это говорится, но... в общем, прошу у тебя руки твоей сестры Ярославы. Потому что она... – он умолк, не в силах перебороть волнение и подобрать слова. – И я люблю её!

Князь сдержал улыбку, поднялся, отошёл малость в сторону. Глянул под ноги, в окно. Он вовсе не собирался возводить препоны на тропе их взаимного счастья, но... Может, рано?

В комнате повисла колючая тишина. Ярослава, проникнувшись вдруг важностью момента, испуганно поглядывала то на брата, то на жениха. Но Святополк недолго испытывал терпение влюблённых.

– Конечно же, я не против! – торжественно провозгласил он, решившись. И, взяв молодых людей за руки, соединил.

– Ура! – закричала во весь голос Ярослава, бросаясь на шею брата и тут же обнимая Гилберта.

---

²² Попутчика (элийский).

А граф, вытащив из-за обшлага платок, утёр пот со лба и проговорил:

– Ну, ты меня напугал. Я уж...

Князь широко улыбнулся, похлопал Гилберта по плечу, чмокнул сестру в макушку и, подтолкнув молодых друг к другу, вышел из комнаты, аккуратно закрыв за собой дверь.

– 5 —

Ну а теперь, когда неотложные дела более не гудят в голове роем растревоженных пчёл, можно и о себе подумать.

И Святополк, прыгая через ступеньки, пронёсся по лестнице на первый этаж, где в маленькой комнатке, превращённой заботливыми руками в висячие сады, ждала его Меленора.

На мгновение остановился у входа. Унял рвущееся из груди сердце. Постучал и, не дожидаясь ответа, вошёл...

Можно ли описать солнечный свет, который разом падает и взлетает, дышит ароматом ночных фиалок, поёт колокольчиками в росе, трепещет под натиском ветра, грохочет на порогах рекой, и шепчет свирелью, уходящей под лёд? Не знаю... И вряд ли б кто на это решился...

– 6 —

– Нора, я был в Странном месте, – сказал Святополк. – Мне показалось...

Тень пробежала по лицу девушки.

– Ты любишь меня? – спросила она, заглядывая ему в глаза.

Святополк кивнул.

– Тогда верь мне... Я после тебе всё объясню...

– Так мне не почудилось? – еле слышно вымолвил сын Ратибора.

Она покачала головой.

– Нет, Свят, не почудилось.

– И что это было?

– Прошу тебя, не настаивай. Придёт время, я всё тебе расскажу. Мне ж и посоветоваться не с кем. У меня ж, кроме тебя... А уж если и ты меня не поймёшь...

Она отвернулась. Совсем как та – Цветка – юная мавка из Ведьминой пустоши. И слёзы в глазах те же самые. Сияющие, как самоцветное ожерелье.

– Нора, – сказал он, и всё смешалось в его голове, – Нора...

Он зажмурился, прикоснулся к её руке. Тонкие, длинные, такие хрупкие пальцы...

То, что захотел он сказать ей сейчас, неизбежно, но – время ли? Да и как-то... Что ж так странно на сердце? Ох, Триглав, единый в трёх... Святополк закрыл глаза, вспомнил, как увидел он её тогда – в первый раз, вспомнил хоровод ведьм – словно снежинки перед замёрзшим стеклом. Приподнял веки – всё та же. Она! Разная – и одинаковая.

– Нора, – проговорил он, – ты пойдёшь за меня замуж?

Как это вырвалось?

– 7 —

Вышедший из покоев девушки витязь, некоторое время пребывал в замешательстве. Отчасти оттого, что так неуклюже сделал ей предложение (как-то не так он это представлял – думалось: всё будет более возвышенно), а отчасти – от безрезультатности происшедшего разговора. Очень хотелось вернуться и всё-таки выпросить о Ведьминой пустоши, выяснить всё до конца. Не очень ему нравилось, что это – такое важное – и недоговорено, недосказано.

Но смысла в возвращении не виделось никакого. Раз сказала: «потом», то так и будет. А визна-
вать да приставать – только хуже делать. Что ж, ладно!

И Святополк направился к Грегину – передать просьбу Четырёхрогого.

– 8 —

– Четырёхрогий? – Грегин переглянулся с Кар-Ждоном. – А какой он из себя?

– Да, честно сказать, мне все демоны на одно лицо, – признался Святополк, пытаюсь
восстановить в памяти облик нечистого. – Похож на человека... лицо такое красное, как обо-
жженное, но ни шрамов... и вообще, никаких, так сказать, особых примет, родинок там...

– А лет, как думаешь, ему сколько? – задал вопрос Оранжевый магистр. – То есть, сколь
ему было б, кабы он человеком был?

– Да бес его беса знает, – развёл руками молодой витязь. – Но, вроде, не молодой... Одно
вот меня удивило: говорит больно правильно, учтиво так. Грамотный. Прямо, как в универси-
тете учился...

Грегин бросил ещё один взгляд на брата.

– Джавинор? – негромко проговорил тот.

– Скорее всего, – кивнул Цветной магистр.

– Наверяд ли, – вставил молодой князь. – Он сказал, что его имя не один смертный не выго-
ворит, а тут-то, что выговаривать?

– Да это сейчас, когда он демон, его прозвание новое и в два присеста не произнесёшь,
а Джавинор – имя прежнее – человеческое. Коль это он, конечно, – ответил на сомнения сына
Ратибора Кар-Ждон.

– Но где ж он пропадал столько времени? – задумчиво промолвил Великий магистр. –
Лет двадцать?

– Деятнадцать, – уточнил Кар-Ждон.

Всё-таки и для них – всезнаек – есть секреты, – подумалось Святополку, но волновало
его сейчас другое.

– А что такое «пирауста»? – выпалил он, обрадовавшись, что словечко странное, наконец,
и так кстати, вспомнилось.

Оранжевый магистр полувопросительно взглянул на князя.

– Пирауст, или пирауста, ежели она женского рода, – это саламандра. Дух огня. А почему
ты спросил?

– Четырёхрогий сказал, что она меня ищет. Убить хочет, – произнёс Святополк, стараясь
вымолвить это так, чтоб не показаться с одной стороны излишне обеспокоенным, а с другой –
слишком уж беспечным.

– Это точно Джавинор, – вместо ответа сказал Грегин, как бы сделав вывод для самого
себя.

Кар-Ждон, словно согласившись с братом, кивнул, а Святополк, для которого эта фраза
прозвучала, как шинская грамота²³, немедля переспросил:

– А почему это именно он, брат Грегин? И что за саламандра? И с чего это духу огня
меня убивать?

– Чем ты насолил пираусте – понятия не имею, – заговорил Цветной магистр после неко-
торого молчания, – а вот почему я решил, что это Джавинор – это сказать могу. Когда-то и он
и Эльва были людьми...

---

²³ Страна Шин расположена далеко на востоке. Пожалуй, никто из роцких туда ещё не забирался. Оттого: «шинская грамота» – это что-то непонятное.

– Это – которая Королева Огней? – вставил Святополк, мимолётно помыслив: «а не остались ли у неё какие счёты с дедом Всеславом?»

– Да, – продолжил Грегин, – и уж кому не знать её повадки, как не бывшему мужу. Они ведь женаты были. И мы вон, с Кар-Ждоном, у них на свадьбе гуляли.

– Давно это было, – заметил Оранжевый магистр.

– Давненько, – согласился Грегин.

Видимо, что-то вспомнилось старому кудеснику. Он усмехнулся, но тут же, поймав нетерпеливый взгляд Святополка, продолжил:

– Так вот, а лет через пятьдесят, – он с некоторым колебанием поглядел на брата – тот наклонил голову, – Эльва, как ярая огнепоклонница и главная жрица храма, заняла место Королевы... А Джав, которому всё это было не по нраву, её бросил... Точнее, попытался. И потом они были то вместе, то порознь.

– Это, я думаю, не удивительно, – заявил Святополк, – оно ведь, Эльва, как я понимаю, дама малопрятная. И даже опасная.

– Это верно, – закивал головой Грегин. – Опасная. И весьма.

– Но зато красивая... – вполголоса, как бы тоже что-то вспомнив, протянул Кар-Ждон.

– Как гадюка! — буркнул Цветной магистр и отвернулся к окну.

– 9 —

– Ну, а Странное место, как оно тебе? – сощурился Кар-Ждон.

– Как ему и положено – странно, – улыбнулся Святополк. – Названию соответствует.

– Мы за вами в зеркало наблюдали, – проговорил Грегин, упреждая молодого князя, уже готового в деталях пересказать все перипетии своего небольшого странствия.

– Значит, всё видели?

– Угу, – промычал Оранжевый магистр. – И как ты с драконом бился, и как Мысляту освобождал, и как с Вязом беседовал. Единственно, Джавинор от нас спрятался.

– И, помимо, ведьмы укрылись, – добавил Грегин.

Правдой было сие (о ведьмах) или же нет – неизвестно. Возможно, почувствовали кудесники, что там – в Пустоши – приоткрылось князю нечто личное, и не стали в оную приватную сферу вторгаться, дабы своего молодого товарища не смущать. А может, и правда, «ведьмы укрылись». Что им стоит?

– Выходит, вы слышали, как лесовик мне про хижину толковал? – отложив сомнения относительно мавок и «приватности», проговорил Святополк.

– Да, – сказал Кар-Ждон. – И про домик нечистый, крайгортами под свою цитадель приспособленный, и про пираусту пресловутую.

– А имя Велеяр вам ничего не говорит? – на всякий случай поинтересовался князь.

– Ты, верно, о своём предке любопытствуешь? – спросил Грегин. – О Велеяре Целителе?

– О предке, – подтвердил князь. – Но какое отношение имел он к целительству – понятия не имею.

– Самое, что ни на есть, прямое, – изрёк достаточно важно старший Шток-Дебр. – Он ведь лечебный факультет в Мадриме открывал.

– Ух, ты! – не удержался от восклицания сын Ратибора.

– Вместе с Оэ-Форном, – прибавил вполголоса Цветной магистр.

– А это?.. – тут же приоткрыл рот Святополк, намереваясь немедленно вызнать что-нибудь о новом персонаже.

– Один из наших, – Кар-Ждон кивнул на брата, – прашуров. А так же Мат-Хара...

– Канн-Щея и Ма-ара, – вставил Грегин, недовольно морщась.

– И их тоже? – удивился молодой воин.

– К сожаленью, – с некоторой печалью пробурчал Оранжевый магистр. – Но мы с нашими... как бы их назвать?..

– Кузенами, – подсказал князь.

– Да, вот именно: кузенами, – потеревив себя за ухо, согласился Кар-Ждон, – не хотелось бы называть наших врагов родственниками... выбрали разные пути.

– Но вернёмся к твоему предку, – перебил неторопливые рассуждения брата Грегин. – Велеяр Целитель – наш старый товарищ. Член братства. С незапамятных времён.

– Мне сказали: он жив, – промолвил Святополк. – Отец Беловод поведал – священник храма Свентовита в Рудане...

– Мы знаем Беловода, – покивал Великий магистр. – Неторный путь прошёл сей муж, участь претерпел нелёгкую, но к свету пробился. А Велеяр... да, он действительно, жив. Но лет десять назад что-то с ним случилось неладно. Словно б жизненные силы его иссякли. И тогда он избрал стезю отшельника...

– И удалился в пещеры, – подхватил Оранжевый магистр. – Куда-то... кажется, в Вамбрию. И впал в транс.

– Ныне говорят: в нирвану, – с некоторой иронией в голосе, уточнил Грегин.

– Ясно, – проговорил Святополк.

Он откинулся в кресле, вытянул ноги, прикрыл глаза. Выспаться бы... перед дорогой... Но надо б порассказать о том, что сам о Велеяре узнал.

– Что тогда предок мой сил лишился – не мудрено, – кое-как подавив зевок, проговорил молодой воин довольно громко – чтобы малость отпугнуть подкрадывающегося Морфея, – Десять лет назад убили моего отца, а книга волшебная – «Воззвание» – что прежде хранилась у него, оказалась у Кирши – падшего ангела, который работал сапожником... Сила нашего рода заключена в книге, – пояснил Святополк. – И пока она у кого-нибудь из нас – Велеяр жив. А когда Кирша умирал, то передал книгу Потыке – бывшему демону, метельщику. А тот уж отдал мне... Вот такая запутанная история...

– Ох, – вздохнул Грегин, не без внимания выслушав сбивчивую речь Святополка, – история всегда запутанна. Иначе, она уж и не история...

– А измышления продажного летописца, – договорил Кар-Ждон.

И беседа чародеев плавно свернула к размышлениям о роли хроникёра в формировании национального самосознания, о превратностях судьбы, о различии и схожести теологических канонів и постулатов у разных народов, о печальной и одновременно возвышенной участи святых аскетов...

И под эти разговоры сын Ратибота незаметно для себя задремал.

– 10 —

Каким только способом не пришлось молодому князю путешествовать в последнее время! И на шарах трёхглазых, и сквозь зеркала, и через «ту сторону». Но такое, чтоб на паруснике, да по реке – это случалось впервые.

Кораблик именовался «Фаро», что на каком-то древнем языке означало «Гордый», и представлял собой усовершенствованную ладью. А идти на нём предстояло, понятное дело, по Нетце, на которой стоял Гринтаун.

Отплыли на зорьке. Попутное течение и паруса, с коими сноровисто управлялись Хынсебен, Капчо и Хохлач, обещали сделать путешествие приятным. И лишь одно омрачало настроение князя – присутствие на борту спесивого Риса Зандера, которого Святополк прозвал «брындиком», что на южно-роцких диалектах означало щёголя или выскочку.

Ни с кем не общаясь, тот стоял молча на носу судна, изображая (как тут же подумалось сыну Ратибора) великого землепроходца, который во главе своей команды бесстрашно отправляется на завоевание какого-нибудь дикого края. К вящей славе своего отечества.

«Ну и ёж тебе в бок», – буркнул витязь и, скинув кольчугу, присоединился к трудам Ашана и стариков, решив заодно малость поднатореть в науке судовождения.

Работа получалась (тянуть тросы и вязать узлы – больше пока ничего не поручали) не сказать, чтоб трудная – силёнкой Святополка Дажьбог не обделил, – но, с непривычки, сложная и непонятная. Оттого-то и переспрашивал он по десять раз, прежде чем что-то сделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.